

ЛЮБОВЬ ВОРОНКОВА

СЛЕД
ОГНЕННОЙ
ЖИЗНИ

МЕССЕНСКИЕ
ВОИНЫ

Любовь Воронкова

След огненной жизни

Рисунки Е. Медведева (Журнал "Пионер", № 1-3, 1968 г.)

СОН ЦАРЯ АСТИАГА

Мидийскому царю Астиагу приснился сон, который сильно смутил его. Ему снилось, что дочь его Мандана разлилась рекой и затопила не только его город Экбатаны, но и всю Азию.

Астиаг позвал к себе жрецов — толкователей сновидений. Все жрецы в Мидии происходили из племени магов. Это было маленькое племя, затерянное среди других племен. Не каждый маг был жрецом. Но каждый жрец обязательно был магом.

При дворе мидийских царей жрецы-маги совершали религиозные обряды, приносили жертвы богам; предсказывали будущее.

Маги долго обсуждали этот сон, прикидывали и так и эдак. И, наконец, сказали царю:

— Сон твой — вещий. А предвещает он тебе, царь, вот что: у твоей дочери Манданы родится сын, который завладеет и Мидией, и всей Азией.

Астиаг встревожился. В те давние времена люди всерьез верили снам. Они считали, что это боги посылают им предупреждение.

Мысль о том, что внук может отнять у него царскую власть, Астиагу была нестерпимой. Его отец Киаксар царствовал целых сорок лет, и Астиаг был уже не молод, когда смог наконец назвать себя царем.

В тумане прошедших веков, когда только легенды и неверная человеческая память хранят дела и события давних лет, трудно разглядеть начало рода мидийских царей.

Сохранилось предание о Дейоке, умном и предприимчивом старейшине одного из мидийских поселений.

Городов тогда не было в Мидии. Земледельцы, пастухи-скотоводы, ремесленники — все они жили в деревнях, в долинах рек, по склонам хребта Эльбурса и горной гряды Кухруд... По всей Мидии были разбросаны маленькие независимые государства. Правителя такого государства называли царем. Правил этот царь не единолично, дела решали, кроме него, и совет старейшин, и народные собрания. Нередко у этих царей были крепости из сырцового кирпича, которые чаще всего стояли на скалистых уступах гор...

Как же стал царем Дейок?

Вот что знал об этом решающем для его рода событии Астиаг.

В стране в те годы не было порядка. Законы были неустойчивы, и никто им не повиновался. Сильный обижал слабого. Судьи часто судили несправедливо, и жаловаться на них было некому.

Кроме того, с гор от времени до времени спускались разбойничьи племена, вооруженные дротиками и стрелами, разоряли незащищенные деревни, грабили, угоняли скот, губили сады. И некому было наказать их.

В одной из мидийских деревень, в предгорье, жил со своей семьей Дейок. У Дейока была добрая слава. Говорили, что он справедлив, что он не боится выступить против сильного и богатого; если этот сильный и богатый неправ. И чем больше беззаконий и несправедливостей творилось вокруг, тем строже Дейок соблюдал законы и защищал справедливость. Поэтому жители деревни выбрали Дейока себе в судьи.

Люди шли к Дейоку со всеми своими делами и обидами. Одного обидел сосед; другого ограбили на дороге; у третьего угнали скот и отказываются вернуть; четвертый жалуется, что вытоптали его поле; пятый требует возмездия за убийство его родственника...

Дейок судил строго и беспристрастно. Никто не мог сказать, что он хоть раз решил дело в пользу своего друга, если друг был неправ. Дейока нельзя было подкупить, а угроз он не боялся. И молва о справедливом судье шла все дальше и дальше по стране.

Но никто не знал, какие замыслы носит Дейок в своем честолюбивом сердце, никто не подозревал, какая неистовая жажда власти таится в нем. Дейок умел скрывать это, умел молчать, умел издать. А ведь, как известно, побеждает тот, кто умеет ждать.

Наконец настало время, когда Дейок понял, что наступил его долгожданный час. И он приступил к тому, что задумал.

Как всегда, люди пришли к нему с жалобами. Пришли издалека — пастухи с гор, земледельцы из равнинных областей...

К их удивлению, Дейок не вышел и не сел на площади, как это делал всегда.

— Я больше не могу заниматься вашими делами в ущерб своим собственным, — сказал он. — Сколько времени я трачу на вас! А кто за меня уберет ячмень в поле? Ведь он уже созрел. Да и дома дел хватает. Довольно. Обходитесь без меня.

И ушел в свою хижину, захлопнув дверь. Мидяне были огорчены и взволнованы. Они снова и снова приходили к Дейоку. А Дейок снова и снова отказывался разбирать их жалобы.

Тогда мидяне со всей округи собрались на большое собрание, чтобы обсудить свои дела. И после долгих споров пришли вот к чему:

— При теперешних порядках мы больше не можем жить. Поэтому поставим над собой царя. Тогда у нас будет твердая власть, твердые законы. И мы спокойно займемся нашими делами.

Но кого же поставить царем?

Конечно, Дейока!

Все сложилось так, как хотел Дейок. Друзья, с которыми он тайно договорился, помогли ему. Они еще раньше исподволь убеждали всех, что Дейок самый достойный человек, а потом кричали об этом на собрании, доказывали это в своих горячих речах. И Дейок стал царем округи, как и многие маленькие мидийские цари.

И вот как только Дейока назвали царем, он сразу и проявил свою могучую волю. Пусть все у него будет, как у других царей, — и дворец, и крепость, и телохранители...

Мидяне построили ему обширный дворец на том месте, которое указал Дейок. А стражу он себе выбрал сам.

Теперь Дейок держал в своих руках власть, защищенную силой — отрядом копейщиков. Он стал царем — значит, мог повелевать народом.

Прежде всего он заставил мидян построить вокруг своего дворца крепость. Семь высоких кирпичных стен замкнулись кольцом, причем одно кольцо возвышалось над другим своими зубцами. Зубцы стен, наподобие вавилонских башен, были окрашены в семь разных цветов. Зубцы первой, наружной, стены, были белые. Зубцы второй стены — черные. Зубцы третьей — ярко-красные. Зубцы четвертой — голубые. Пятой — цвета сурика. Шестой — посеребренные. И зубцы седьмой, внутренней, самой высокой, стены сияли золотом. И уже за этой стеной с золотыми зубцами возвышался царский дворец. Так заложил Дейок будущий город и столицу Мидии — Экбатаны.

Когда все эти постройки были сооружены, Дейок, чувствуя себя в безопасности, защищенный крепостными стенами и отрядом копьяносцев, принял заведенный у царей порядок:

никому не входить к царю; со всеми делами обращаться к нему только через вестников;

царя никто не должен видеть;

смеяться и плевать в присутствии царя считать непристойным.

Дейок хотел, чтобы народ видел в нем существо высшее, не такое, как все люди. Если его бывшие соседи и товарищи станут свободно приходить к царю и общаться с ним, как прежде, то они будут возмущаться: «Почему это наш сосед Дейок так возвеличивает себя? Хоть он и царь, но ведь мы помним, как он вместе с нами пахал и сеял!»

А так, не видя его, скрытого стенами крепости, они невольно будут почитать его.

Дейок не выходил судить на площадь. Но ему подавали жалобы, он разбирал их, выносил решение и отсылал назад. Преступников звал к себе и, выслушав дело, тут же назначал наказание.

По всему его царству бродили «подслушиватели» и «подглядыватели». Поэтому Дейок знал обо всем, что творится в округе и как относится к нему народ.

Дейок сумел навести порядок в своей области. Он заставил уважать законы. Жители обрели безопасность от разбойников и грабителей. Люди могли спокойно заниматься своими делами. Видя это, жители окрестных поселений присоединялись к его «стране», и царство Дейока росло.

Было много бед и войн... Приходили ассирийцы разорять мидийскую землю. Но, видно, крепко держал Дейок свою царскую власть, если потомки его стали царями всей Мидии, всех мидийских племен. А племен этих в Мидии было шесть — бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Те самые маги, из племени которых вышли мидийские жрецы.

Крепко и жадно держал в своих руках царскую власть Дейок. Так же крепко и жадно держал теперь эту власть Астиаг. Настолько жадно, что даже мысль о внуке, который явится и будет царем всей Азии, отстранив Астиага, надолго омрачила его жизнь.

Мандана ничего не знала о зловещих снах отца. И очень удивлялась и огорчалась, когда нечаянно подмечала тяжелый и подозрительный взгляд Астиага. В чем она провинилась?

Чем недоволен отец? О чем так мрачно задумывается он, глядя на нее? Может, он думает, что Мандана замышляет недоброе против отца, против его царской власти? Да пусть он царствует вечно, лишь бы не обрушил на нее своего гнева. Гнев Астиага был всегда страшен — это Мандана хорошо знала.

А царь все думал о своем. Мандану надо выдавать замуж. Но когда она выйдет замуж, у нее родится сын, тот самый сын, который отнимет у деда царскую власть.

Однако Мандану надо выдавать. Но за кого? Если выдать за богатого и могущественного мидийского вельможу, ее сыну будет легко захватить власть...

И Астиаг придумал. Он выдал Мандану за скромного человека — перса Камбиза. Камбиз происходил из знатного персидского рода и даже был правителем в своей стране, но какое это имело значение? Персия — маленькая, подчиненная Мидии страна; еще дед Астиага, Фраорт, покорил ее и заставил платить дань. Хоть и знатного, даже царского рода был Камбиз, Астиаг все-таки считал его ниже среднего звания любого мидянина. К тому же Камбиз не отличался ни смелостью, ни честолюбием. И Астиаг успокоился: ни о каком мидийском царстве Камбиз помышлять не станет.

Мандана вышла замуж за Камбиза и уехала с ним в Персию.

КТО РОДИТСЯ?

Мандана живет в Персии. Все тихо. Царь Астиаг прочно сидит в царском дворце за семью зубчатыми стенами. Царственный блеск золотых зубцов самой высокой стены наполняет своим отсветом его покои.

Власть Астиага крепка. Сокровищница полна золота. Сильное войско хорошо вооружено. Его отец Киаксар, человек воинственный и много воевавший, разделил все подчиненные ему народы Азии на военные отряды: отряды копейщиков, отряды стрелков из лука, отряды всадников. Это увеличило силу его войска.

Киаксар покорил все племена Азии по ту сторону Галиса. А потом сражался с Ассирией. Он хотел покорить Ниневию, богатую, могущественную, поработившую многие страны. Киаксар хотел разбить и уничтожить Ниневию и тем отомстить за смерть своего отца, Фраорта, погибшего в войне с Ассирией, отомстить за свою Мидию, на которую ассирийцы не раз делали грабительские набеги, уводили в плен мидян, угоняли скот...

В первый раз Киаксару не удалось разорить Ниневию: ему помешали скифы, которые вдруг нахлынули в Мидию несметными полчищами на своих полудиких лошадях. Мидяне пробовали защищаться, но скифы покорили их. И завладели Азией.

Скифы хозяйничали в Азии двадцать восемь лет. Своим буйством и разбоями они разорили и опустошили мидийскую землю. Скифы брали дань со всех народов. А получив то, что им приносили добровольно, скифы грабили все, что еще оставалось у людей.

Но царь Киаксар был жив. Он, как и Дейок, умел ждать. Он понимал, что силой со скифами справиться он не может, ц терпел унижения, терпел горе своей страны. Однако все эти долгие годы рабства он не терял упорной решимости освободиться от этого дикого и свирепого врага.

Наконец после тяжкого и длительного рабства Киаксару удалось вырваться из-под скифского ига. И не силой, а хитростью.

Киаксар и его придворные-мидяне устроили пир и пригласили скифского царя Мадия. Мадий явился на пир и привел с собой лучшую боевую часть своего войска и самых знатных людей, богато одетых для пиршества.

Астиаг помнит этот жаркий вечер, когда огни костров плавилась и сливались с пламенем зари, а в неподвижном душном воздухе висел густой запах дыма и жареного мяса. Над кострами на вертелах жарились туши баранов, быков, лошадей...

Скифы пришли толпой, следуя за своим царем и военачальником Мадием. Видя, что мидяне безоружны, они спрятали луки в гориты [1], сверкающие набором золотых пластин, сняли с плеча колчаны с тяжелыми железными стрелами, сбросили свои круглые щиты. И сложили все это на землю. Только короткие мечи — акинаки с золотыми рукоятками остались висеть у них на широких, отделанных золотыми бляшками поясах. Так и запомнились они Астиагу — коренастые, с косматыми бородами, с золотыми повязками на длинных волосах, в золотом сиянье богатых чешуйчатых панцирей, отражающих пламя костров...

А потом на поле пиршества упала ночь, черная, безлунная, внезапная, как всегда на юге. Огни костров стали красными и зловещими.

Скифы ели мясо, разрезая туши своими акинаками, пили виноградное вино. И снова ели. И снова пили. Казалось, они могли выпить целое море этого сладкого веселого вина — ведь такого вина они не знали на своей суровой земле.

Скифы веселились, горланили... А мидяне коварно еще и еще подливали им вина. И когда пьяное скифское войско, сраженное вином, повалилось на землю и царь их Мадий заснул на полуслове, скифов настигла смерть. Киаксар и его солдаты перебили их. Астиаг помнит это побоище, страшные крики и стоны среди душной тьмы...

А наутро Мидия вздохнула с облегчением — владычество скифов кончилось!

Таков был отец Астиага Киаксар. Он выдержал скифское нашествие и уничтожил скифов. А потом он еще раз ходил войной на Ассирию и добился своего — разорил древний ассирийский город Ашшур и сровнял с землей гордость их царей Ниневию... Теперь Мидия — обширное могущественное государство. Многие народы покорились ей... Но еще противостоит Вавилон.

Царь вавилонский Набопаласар был союзником его отца Киаксара, они вместе воевали против Ассирии. Но союзник он был лукавый и ненадежный. Когда мидяне брали штурмом город Тарбис на Тигре, когда брали штурмом могучие укрепления Ашшура и гибли под его стенами, Набопаласар отсиживался в своей крепости, спрятавшись от ассирийских войск. Он пришел уже к развалинам Ашшура и потом еще оправдывался перед своими жрецами, которые все были связаны и религией, и общими интересами с жрецами Ассирии:

— Я не принимал участия в осквернении ассирийских храмов!.. И даже спал в эти дни на полу — в знак траура!

Правда, Ниневию они брали вместе — Киаксар и Набопаласар. В месяце абе [2] штурмом ворвались в Ниневию, прежде открыв ворота каналов и устроив наводнение в городе... Как таяли и падали ассирийские дворцы, подмытые водой, — ведь они были построены из сырцового кирпича! Как рушилась богатая Ниневия, полная награбленных у многих народов сокровищ!..

Несметные богатства потекли тогда в Экбатаны. В прекрасные дни ранней осени возвращался Киаксар с войны, и караваны с ниневийскими сокровищами следовали за ним. Мидия ликовала.

Киаксар сделал много. А что сделал он, Астиаг? Приближенные его, богатые, знатные вельможи и полководцы, недовольны им, он чувствует это, он знает это. Им нужны новые войны, новые завоевания, новые земли. Вавилон — вот куда устремлены их помыслы.

Как ненавидит он всех этих потомков мелких царьков, правивших когда-то отдельными «странами», как и его прадед Дейок, как трудно терпеть ему их высокомерие, их независимые речи, их тайное презрение, которое кроется в опущенных, прикрытых ресницами глазах!

Но Вавилон — грозный соперник. Мидия никогда не будет спокойна, пока стоит этот город на Евфрате — город, полный богатых дворцов и храмов, город с высокими крепкими стенами и медными воротами. И все чаще в мозгу Астиага возникало видение — отряды мидийских солдат, идущие по равнинам Вавилонии, сверкание их стрел и копий сквозь жаркую красную пыль, поднятую копытами коней. Взять Вавилон нелегко. Но с помощью богов его отец Киаксар пришел в Ниневию, которая была укреплена не менее. И что осталось от нее? Пыль и пепел.

Астиаг — сын Киаксара. Он покорит Вавилон, оставит там пыль и пепел, он привезет богатую добычу и еще более возвысит свое царство!

Но обдумать, обдумать... Покорить Вавилон потом. Сначала надо ослабить его, надо захватить долину Междуречья... Надо занять Северную Сирию... А уж потом — Вавилон.

И вот теперь, когда Астиаг обдумывал свой поход в Междуречье, ему вдруг опять явилось сновидение, которое снова наполнило смятением его душу. Ему приснилось, что над его дочерью Манданой выросла виноградная лоза, и лоза эта была так огромна, что покрыла собой всю Азию.

Угрюмо сдвинув брови, Астиаг рассказал магам свой сон. Маги истолковали этот сон так же, как и тот, что приснился ему раньше.

— Сын твоей дочери, царь, будет царем всей Азии.

— После меня?

— Вместо тебя, царь.

Злые молнии зажглись в черных глазах Астиага. Он знал, что Мандане скоро предстоит родить ребенка. Кто родится у нее?

Астиаг приказал дочери немедленно явиться к нему в Экбатаны. Мандана покорно явилась. Камбиз, тихий, спокойный перс, ее муж, сопровождал ее.

Мандана только переступила порог отцовского дома, как ее тут же взяли под стражу. Камбиз недоумевал. Мандана плакала, сидя в заключении. Страшная догадка уже мучила ее. Она слышала о снах царя, и она хорошо знала своего отца.

А царь ждал. Если у Манданы родится девочка, он отпустит их с ребенком обратно в Персию. Если родится мальчик, он отпустит их в Персию, но без ребенка.

Родился мальчик.

Мандана, ничего не видя от слез и горя, покинула отцовский дворец. Камбиз, подавленный и безмолвный, возвратился вместе с ней в Персию. Их ребенок, их сын остался у деда.

Они чувствовали, что царь задумал недоброе, но не смели противиться. Только надежда, что у царя в груди все-таки человеческое сердце и не поднимется у него рука на собственного внука, — только эта надежда поддерживала их.

Едва Камбиз и Мандана вышли из дворца, едва затих стук копыт их коней на каменистой улице, Астиаг призвал к себе своего родственника Гарпага. Это был самый надежный, самый преданный царю человек.

— Я хочу поручить тебе важное дело, Гарпаг, — сказал царь, глядя ему прямо в глаза, словно стремясь увидеть его мысли и чувства, — не предай меня, иначе и самого тебя ждет беда в будущем...

Гарпаг, чувствуя угрозу, склонил голову. Он уже заранее был готов сделать все, что прикажет ему царь.

— Возьми рожденного Манданой ребенка, — продолжал Астиаг, — отнеси его к себе, убей и похорони где хочешь.

Гарпаг содрогнулся. Но, внешне спокойный, он ответил, как преданный друг и слуга:

— Никогда прежде, царь мой, ты не слышал, чтобы я противоречил тебе. И теперь если такова твоя воля, я выполню ее.

Напрасно вглядывался в его лицо Астиаг своими пронзающими глазами. Гарпаг был спокоен, сдержан и почтителен.

«Он сделает это», — подумал Астиаг. И успокоился.

Гарпагу принесли ребенка. Одетый в богатый наряд, как одевают для похорон царских детей, здоровый, крепкий мальчик весело глядел на Гарпага черными, будто спелая олива, глазами. Гарпаг взял корзину с ребенком и понес домой.

Когда Гарпаг вышел из царских покоев, сердце его не выдержало и он заплакал. У Гарпага у самого был маленький сын. И ему представилось, что чья-то злая воля может вот так же погубить его дитя.

А черноглазый мальчик весело ворковал в корзине. Гарпаг взглянул на него — и снова заплакал. Гарпаг был храбрый воин. На войне он умел сражаться, умел быть беспощадным к врагу. Он немало убил людей в боях, его копье не знало промаха.

Но убить младенца!..

Пока он с плачем шел до своего дома, мальчик, убаюканный его мерным шагом, уснул в корзине. И лежал он там в роскошной одежде покойника, крепенький, румяный, теплый, как птенчик в гнезде.

Гарпаг принес ребенка к жене и рассказал все, что случилось. Жена встревожилась, задумалась.

Убить ребенка! Поднимется ли на это рука? Но послушаться царя — Гарпагу ждать смерти.

Все знали, что Астиаг жестоко наказывает за ослушание.

— Как же ты намерен поступить, Гарпаг?

— Не так, как повелел мне царь, — ответил Гарпаг. — Пускай он гневается, неистовствует, я не приму на себя такого злодеяния. Я не хочу губить младенца. Астиаг уже стар, а наследника у него нет. После его смерти власть перейдет к его дочери, — так разве она простит мне? Если ребенку суждено умереть, то убийцей его пусть будет кто-нибудь другой. Пускай слуги Астиага убивают его. А я даже слугам своим не позволю этого.

ПАСТУХ МИТРИДАТ

Высокие горы, заросшие лесом, поднимались над Экбатанами. В горах среди вековых деревьев и густых зарослей водилось много зверей. Волки, львы и медведи бродили там, преследуя добычу. Дикие вепри подходили к самым деревням, вытаптывали посевы.

В горных долинах, обильных пастбищами, пастухи пасли многочисленные царские стада. Там, среди скалистых уступов, в зеленой тени дубов и буков, ютились хижинки пастухов. Там жил и пастух Митридат. К нему-то и послал Гарпаг слугу с приказом немедленно явиться.

Митридат явился.

— Слушай внимательно, Митридат, — сказал Гарпаг, стараясь не глядеть ему в лицо. — Царь приказывает тебе взять этого ребенка, положить его на самой дикой горе, чтобы он погиб как можно скорее. Царь велел сказать тебе, если ты не погубишь ребенка, а сохранишь его живым, то он казнит тебя мучительной казнью. Запомни. Мне приказано проверить, как ты выполнишь царский приказ.

Пастух побледнел. Ребенок, одетый в золотом шитые одежды, весь, как сверкающая рыбка, барахтался в корзине и громко плакал. Он требовал, чтобы его взяли на руки, чтобы его накормили.

«А где-то там, в персидском доме, сидит и плачет его мать, — Думал Гарпаг, — но она не может прийти и накормить его...»

Не поднимая глаз, Гарпаг передал Митридату корзину с ребенком. Пастух молча взял ребенка и в раздумье отправился к себе в горы.

У Митридата была жена, царская рабыня. Ее звали Спако, что по-мидийски означает «собака». В этом имени не было ничего неприятного, потому что мидяне считали собаку священным животным.

Спако сама ждала ребенка. Она должна была родить как раз в этот день, когда Митридата позвали к Гарпагу. И день этот был полон тревог и волнений. Спако волновалась за мужа — зачем позвали его в Экбатаны? Может, не угодил чем-нибудь царю, и тогда жди беды. А Митридат тревожился за жену — как оставить ее в такую трудную минуту? Но раз приказывают — приходится оставить.

Митридат спешил домой. Ребенок то умолкал, то снова принимался кричать. Смуглый и розовый, как персик, созревший под южным солнцем, он беспомощно тянулся к Митридату. И пастух отворачивался; он не мог смотреть на мальчика, которого должен был погубить.

Жена лежала в постели, когда Митридат, еле переводя дух от быстрой ходьбы, переступил

порог хижины.

— Зачем так внезапно позвал тебя Гарпаг? — тревожно и нетерпеливо спросила она.

Митридат оставил корзину у порога, прикрыв ее расшитым покрывалом. Сел у постели жены и все рассказал ей.

— Я пришел в город. И не пожелаю никому того, что я там увидел и услышал! Когда я со страхом вошел в дом Гарпага, там все плакали. И вижу: лежит младенец среди покоев, плачет, кричит. Гарпаг, как увидел меня, сейчас же велел взять ребенка и бросить на самой дикой горе. Я взял ребенка и понес. А как вынес из дома, там все заплакали еще громче. И я ничего не могу понять. Сначала думал, что это ребенок какой-нибудь служанки. Но в то же время удивительно мне было, что он весь в золоте. А когда я вышел из дома, тут мне слуги все потихоньку и рассказали. Этот мальчик — сын царской дочери Манданы, и сам царь Астиаг приказал умертвить младенца. А теперь гляди — вот он!

Митридат поставил корзину около постели жены и поднял покрывало. Жена, увидев ребенка, такого здорового и красивого, со слезами обняла колени мужа.

— Нет, нет, не бросай его! Прошу тебя, не губи младенца!

— Но как же мне быть? — возразил Митридат. — Ведь Гарпаг пришлет своих соглядатаев, они увидят, что я его приказания не выполнил, и тогда я погибну жестокой смертью!

— Нет, не погибнешь. Ты скажешь им, что младенца растерзали звери. А этого мы возьмем себе и будем растить, как сына.

— А куда же мы денем ребенка, который родится у нас?

— Признаюсь тебе, — печально ответила Спако, — ребенок у меня уже родился... но родился мертвым. Вот ты возьми его и отнеси на гору, пускай они придут и посмотрят, если уж надо обязательно показать, что ребенок выброшен и погублен. Наш сынок будет погребен в царской гробнице. А сына Манданы мы вырастим, как родное дитя. Так мертвый будет похоронен, а живой останется жить. И мы не сделаем злого дела, и ты не будешь наказан!

Митридат молчал, удрученный горем. Он ждал сына, а сын его мертв.

Но совет жены был разумен.

«Может, сами боги сжалились над нами и послали нам другого ребенка вместо своего?» — подумал Митридат. Он тут же передал жене сына Манданы. Спако с любовью приняла его в свои теплые руки и стала кормить. А Митридат одел своего мертвого ребенка в царские одежды, положил его в корзину, накрыл расшитым покрывалом и отнес на дикую гору, где лишь одни звери прокладывают свои тропы.

На третий день пастух снова отправился в город. Он пришел к Гарпагу и сказал, что его приказ выполнен.

Гарпаг мрачно выслушал его. Ему было жалко мальчика. Лишь одно немного утешало Гарпага — все-таки не его рука убила ребенка.

Желая удостовериться, что приказ Астиага действительно выполнен, он послал с Митридатом надежных оруженосцев, чтобы они собственными глазами убедились в этом.

Оруженосцы принесли маленькое мертвое тело. И Гарпаг похоронил его в царской усыпальнице.

А сын Манданы, дочери царя, остался в семье пастуха.

Так, по свидетельству древнего историка Геродота, началась жизнь персидского царя Кира.

ДЕД И ВНУК

Прошло десять лет. Спако души не чаяла в своем приемном сыне. Да никто и не знал, что сын этот приемный. И сам Кир, конечно, не знал. Он любил Спако и Митридата, слушался их и уважал как родителей.

Как только мальчик подрос, пастух стал брать его с собой в долины пасти царские стада.

— Куруш [3], — будил его Митридат, как только заря заглядывала в окна, — вставай. Помоги согнать быков.

Кир проворно вскакивал, накидывал на плечи войлочный пастушеский плащ — в горах по утрам холодно, — прихватывал сумку с едой, приготовленную Спако, и выходил вслед за отцом в серебряное от густой росы утро. Ловкий, крепкий и смелый, Кир был хорошим помощником Митридату. Пастух учил его ловить диких лошадей, ездить верхом, стрелять из лука и бросать дротик, защищая стада от зверей. Во всей пастушьей деревне не было мальчишки, который мог бы во всех этих доблестях сравниться с Киrom.

И кто знает, как сложилась бы жизнь Кира в дальнейшем, если бы не один случай.

Однажды Кир играл на улице со своими сверстниками. Ребята вздумали играть в цари. Будто кто-нибудь из них — царь, а остальные — его слуги.

Кого же выбрать в цари?

— Куруша! Митридатова Куруша!

Кир спокойно принял «царскую власть». И, словно он всю жизнь провел при дворе, Кир тотчас же начал править.

Прежде всего он разделил ребят на группы:

— Вы будете моими оруженосцами. А вы будете строить мне дворец,

Самого лучшего своего друга он назначил «оком царя» — главным соглядатаем. Другому мальчику, которому доверял, Кир приказал доставлять ему все известия.

— Вы будете лучниками. Вы — всадниками. Вы — копьеносцами.

Так у Кира появились и придворные, и войско.

Случайно среди детей пастухов оказался сын одного знатного мидянина Артембара. Видно, он прибежал сюда поиграть с ребятами. Когда Кир приказал этому вельможному мальчику что-то сделать, тот отвернулся.

— Вот еще! Я, сын Артембара, буду слушаться какого-то пастуха.

Вот тут и сказался впервые властный, крутой характер Кира. Он велел своим «оруженосцам» схватить его. «Оруженосцы» охотно схватили Артембарова сына, и Кир жестоко отхлестал его своим пастушьим бичом. Ведь всем было известно, что цари за непослушание наказывают своих подданных.

Лишь только «оруженосцы» отпустили ослушника, он тут же побежал жаловаться отцу. Он бежал не останавливаясь до самого города и ревел во весь голос от боли и от злости.

Прибрав к отцу, мальчик со слезами все ему рассказал.

Артембар разгневался. Он взял сына за руку и тут же пошел с ним к Астиагу.

— Царь, нас оскорбил твой раб, сын пастуха! Смотри!

И он обнажил перед царем спину мальчика, полосатую от бича.

Астиаг нахмурился. В узких черных глазах его зажглись злые огни.

— Немедленно привести сюда пастуха Митридата и его сына!

Митридат явился во дворец, дрожа от страха. Но Кир спокойно встал перед царем, не опуская глаз.

— Как ты, сын пастуха, осмелился так оскорбить дитя вельможи?! — закричал царь.

— Я поступил в этом деле совершенно правильно, — ответил Кир с достоинством. — Мы играли в цари. Мальчики выбрали царем меня. И все они выполняли мои приказания, потому что я царь. А он ослушался, не выполнил моего царского приказа, за что и получил должное наказание. Если за это я заслуживаю какой-нибудь кары, изволь, я здесь!

Астиаг слушал его и бледнел. Кровь отливала от сердца. Непостижимо, но в этом мальчике он узнавал себя!

Астиаг попробовал отогнать наваждение.

«Не может этого быть. Этот мальчишка — сын пастуха. Или боги издеваются надо мной!»

Не может быть... Но не его ли, Астиага, осанка у этого маленького пастуха? Не его ли огненный взгляд? А как свободно он говорит, как независимо держится!

»...изволь, я здесь!»

Кир замолчал. Астиаг молчал тоже, не в силах справиться с волнением.

Овладев собой, Астиаг увидел, что Артембар стоит здесь со своим сыном и ждет его решения. А он уже забыл о них.

— Артембар, — сказал он, — не беспокойся. Я поступлю так, что ни тебе, ни твоему сыну не будет в чем упрекнуть меня.

Астиаг отпустил Артембара. А Кира велел увести в дальние покои дворца.

Перед Астиагом остался один пастух Митридат, который стоял понурясь в предчувствии большой беды.

«Не узнает... Не узнает, — старался он убедить себя. — Откуда ему знать? Только зачем же он отослал мальчика к себе в покои?.. «

— Сколько лет твоему сыну? — спросил Астиаг.

Этот вопрос заставил задрожать пастуха.

— Десять, — ответил он, стараясь говорить спокойно.

Астиаг уставил на него свои огненные глаза.

— Откуда у тебя этот мальчик? Кто передал тебе его?

— Царь, это мой сын! — ответил пастух, делая вид, что даже не понимает, о чем его спрашивают. — Никто мне его не передавал. Моя жена... его мать... Она и сейчас жива, живет вместе с нами!

— Ты поступаешь неблагоразумно, — сказал Астиаг. — Ты вынуждаешь меня, твоего царя, прибегнуть к пыткам.

И тут же позвал стражу и велел взять Митридата.

— Царь, пощади! — закричал несчастный Митридат. — Ведь я сказал тебе правду, за что же хочешь ты казнить меня?!

Но Астиаг словно не видел и не слышал Митридата. Брови его сошлись в одну черную черту и нависли над глазами. А стража уже тащила Митридата из дворца.

В ужасе перед пытками, которые его ожидали, пастух упал на колени перед царем.

— Прости меня, царь, я все расскажу. Только умоляю тебя, прости!

Митридат рассказал царю все, как было. И о том, как Гарпаг приказал убить этого мальчика, и о том, как Митридат с женой усыновили и вырастили его...

— Хорошо. Я прощаю тебя, — сказал Астиаг.

И тут же приказал позвать Гарпага.

Вельможа спокойно вошел во дворец. Но увидел Митридата и понял, что сейчас ему придется отвечать перед царем за свое ослушание. Однако на умном, непроницаемом лице царедворца не отразилось ни тени его внутреннего смятения.

Астиаг, прищурившись, глядел на него.

— Скажи мне, Гарпаг, какую смертью умертвил ты ребенка моей дочери, которого я передал тебе?

Гарпаг мог бы придумать любую историю. Но здесь стоял Митридат, и в его присутствии солгать было невозможно.

Тогда Гарпаг решил правдиво признаться во всем.

— Взяв от тебя ребенка, царь, я хотел исполнить твою волю. Но я не смог стать убийцей сына твоей дочери, твоего внука. Поэтому я позвал пастуха и передал ему ребенка. Я сказал, что ты приказываешь погубить его, — я не лгал в этом, потому что такова была твоя воля. Я велел бросить его на дикой горе и сторожить, пока он не умрет. Я угрожал Митридату всяческими наказаниями, если он ослушается. Митридат выполнил мое распоряжение. Я посылал туда вернейших слуг, чтобы они убедились в смерти ребенка. Ребенок был мертв, и я велел похоронить его. Так я поступил, и такой смертью умер ребенок.

Астиаг видел, что Гарпаг говорит правду. Тогда он передал Гарпагу рассказ пастуха, и Гарпаг узнал, что сын Манданы жив.

— Мальчик пускай живет, — сказал Астиаг, — и благо, что так случилось. Меня сильно мучила совесть, да и слезы моей дочери мне нелегко было переносить. Теперь, Гарпаг, во-первых, пришли своего сына к моему возвращенному внуку, во-вторых, приходи и сам ко мне на пир. Спасение внука я должен отпраздновать жертвоприношением — эта честь подобает богам! Они вернули мне внука!

И он улыбнулся Гарпагу.

Если бы Гарпаг видел эту улыбку, он бы содрогнулся. Но Гарпаг, счастливый тем, что его послушание так благополучно разрешилось, упал перед царем на колени и поклонился до земли.

«Я даже и на пир приглашен! — радовался он по дороге домой. — Я знал, что Астиаг пожалеет о своем злом приказании и будет счастлив, если внук живой и здоровый вернется к нему!»

Придя домой, он тут же отослал своего сына к царю.

— Иди во дворец. И смотри выполняй все, что бы ни повелел тебе царь!

Гарпаг проводил мальчика любящим взглядом. Это был его единственный сын, наследник его семьи, его радость и надежда. Сейчас мальчику тринадцать лет, он почти ровесник Киру. Они, конечно, подружатся. А ведь рано или поздно Кир станет царем. И как знать? Может быть, сын Гарпага станет ему самым близким человеком.

Мальчик ушел веселый, гордый честью, оказанной ему. Ведь никого другого не позвал царь Астиаг к своему внуку!

Однако на пороге он вдруг остановился, словно какое-то предчувствие смутило его. Ему стало страшно идти во дворец. Может, потому, что он вообще боялся царя Астиага.

Но отец ободрил его.

— Иди, иди, — с улыбкой сказал он, — и смотри, будь послушен.

Мальчик ушел. Гарпаг направился в покои жены. Она уже давно в тревоге поджидала мужа.

— Не тревожься, все обошлось, — успокоил ее Гарпаг, — и так счастливо обошлось!

И он все рассказал жене.

— А теперь мне надо торопиться, — закончив рассказ, сказал он. — Я иду к царю на пир.

Слуги подали ему богатую одежду. Жена помогала ему собраться. Оба они — и Гарпаг, и его жена — были так веселы и так радостны, будто в дом их вошел большой праздник.

А в то время, когда Гарпаг собирался на пир и жена его радовалась и смеялась, их сын, их мальчик, был уже мертв. Его убили во дворце Астиага, как только он туда вошел. И тело его, разрубленное на куски, лежало в корзине, прикрытое покрывалом.

На пир к царю явились все приглашенные. Царь ласково принимал гостей. И особенно ласков и приветлив он был с Гарпагом.

Слуги наливали гостям вино из полных бурдюков, подавали сочные куски баранины и ставили блюда с мясом перед каждым гостем. Под конец пира слуги поставили перед Гарпагом корзину, прикрытую белым.

— Возьми отсюда, что тебе будет угодно!

Гарпаг с улыбкой открыл корзину. Там лежали голова, руки и ноги его сына. Гарпаг поднял глаза на царя. Их взгляды скрестились, как два копыя. Но царедворец умел владеть собой и не дрогнувшей рукой закрыл корзину.

— Ну как, хорошо ли ты попировал? — с сатанинской усмешкой спросил Астиаг.

— Все хорошо, что делает царь, — ответил Гарпаг. На это у него еще хватило сил.

Но оставаться на пиру Гарпаг уже не смог. Он встал, взял корзину с останками своего сына и покинул дворец царя.

Так наказал царь своего родственника и преданного слугу за ослушание.

АСТИАГ ОТПУСКАЕТ КИРА

Гарпаг не мог простить себе смерти своего сына. Разве не знал он Астиага? И как он поверил, что царь может хоть что-нибудь простить, если даже за малые проступки наказывает людей смертью?

Собственной рукой послал Гарпаг своего сына на смерть. А мальчик еще не хотел идти, запнулся у порога... Но он пошел, потому что отец велел идти!

Гарпаг в глубине своих покоев выл и стонал от горя и ненависти, он проклинал Астиага и призывал на его голову все беды и все муки, какие есть на свете.

Но, являясь к царю, Гарпаг был так же спокоен, как и раньше, так же почтителен, так же готов выполнять любое его приказание. И Астиагу порой казалось, что, может быть, он не так уж сильно наказал Гарпага, может быть, надо было придумать что-нибудь более страшное? Сам никого не любивший, Астиаг не представлял себе, что смерть единственного сына — это и есть то самое страшное, что может вынести человек.

В царском дворце было тихо. Черноглазый мальчик в богатых одеждах появлялся иногда перед Астиагом. И снова исчезал в дальних покоях дворца. Казалось, он тосковал. Астиаг иногда заставлял его стоящим у окна в одиночестве. Мальчик задумчиво смотрел мимо золоченых стен на далекие горы, на зелень лесов, на красные осыпи ущелий и лиловые зубцы скал...

— Что ты смотришь туда? — спрашивал Астиаг. — Кого ты оставил там?

— Там моя мать Спако.

— Твоя мать не Спако. Ты знаешь это.

— Спако любила меня.

Астиаг усмехался своей кривой усмешкой.

— Любила? Тебе нужно, чтобы тебя, внука царя Астиага, любила жена какого-то презренного пастуха?

— Она кормила меня, когда я хотел есть. Она укладывала меня спать, когда я хотел спать. Она утешала меня, если я плакал. И каждый вечер она так ласково звала меня: «Куруш, иди домой, уже поздно!»

— Так. ступай туда и живи с пастухами!

Тогда Кнр умолкал и словно весь подбирался.

— Теперь я этого не могу. Я — твой внук.

И было что-то такое опасное в глазах этого мальчика, в его голосе и осанке, отчего старая тревога снова просыпалась в душе царя.

Однажды, после такой встречи, Астиаг призвал магов, толкователей снов.

— Повторите, как вы истолковали мое сновидение?

— Мы можем повторить то же самое, царь: сын твоей дочери будет царем.

— После меня?

— Вместо тебя. Если бы он остался в живых.

— Он остался в живых, — сказал Астиаг, — он вырос в деревне. Но когда мальчики, его товарищи, выбрали его царем, он все сделал и устроил так, как поступают настоящие цари — установил звание телохранителей, лучников, всадников и все прочее... По вашему мнению, что все это значит?

Маги посоветовались.

— Если мальчик живет, — сказали они, — и уже был царем, то будь спокоен. Вторично он не будет царствовать.

— Я сам так же думаю, — согласился Астиаг. — Сновидение мое уже оправдалось, и внук мой больше не опасен для меня. Однако, — добавил он с угрозой, — рассудите хорошенько и дайте совет наиболее безопасный для моего дома... и для вас.

— Для нас самих, царь, весьма важно упрочить твою власть, — принялись уверять его маги. — Ведь если власть перейдет к Киру, у которого отец перс, персы захватят Мидию и мы превратимся в рабов, а пока царствуешь ты, до тех пор и мы пользуемся уважением народа и всякими почестями. Как же не заботиться нам о тебе и о власти твоей? Да если бы мы заметили какую-нибудь опасность, то сейчас же предупредили бы тебя. Но сновидение кончилось ничем. Поэтому мы и сами спокойны и тебе советуем успокоиться. А мальчика отошли к его родителям в Персию.

Астиаг выслушал это, и морщины на его лбу разгладились.

Маги ушли. Астиаг позвал к себе Кира.

— Из-за пустого сновидения я было обидел тебя, дитя мое. Но тебя спасла судьба. Теперь уходи с миром к персам, я пошлю с тобой проводников. Там встретят тебя отец и мать. — И добавил с усмешкой: — Только не такие, как Митридат и Спако!

«А какие? — думал мальчик, оставшись один. — Мои родители царского рода. Но они бросили меня. А Митридат и Спако меня любили. Так почему он смеется над ними?»

И снова — уже в который раз! — он пытался понять: почему он, Кир, внук царя, оказался в семье пастуха? Почему родители оставили его, отдали Митридату? Сколько раз он пытался узнать это от слуг, от рабов, но у всех были запечатаны уста.

И почему никогда, ни разу, Спако, лаская, и приголубливая его, и называя его «милым сыном», не проговорила, что он вовсе не сын ей?

Теплые воспоминания о доброй женщине увлажнили его глаза.

— Прощай, моя мать Спако! Прощай, мой отец Митридат!

Тут ему вспомнились слова Астиага:

«Так иди туда и живи с пастухами!»

Вернуться... Снова войти в хижину под низкой кровлей, где кисло пахнет не просохшим от ночной росы пастушеским плащом, сотканным из грубой рыжей шерсти. Снова сесть за стол, на котором нет ничего, кроме сухих лепешек и молока. Снова гонять по горным пастбищам царицы стада и беречь их от диких зверей. И так всю жизнь — сегодня, завтра, послезавтра?..

Нет! Он внук царя. Он сын царской дочери. Разве для того родился Кир в царской семье, чтобы остаться пастухом? Нет!

Но когда он вырастет, он возьмет к себе и Спако, и Митридата.

Он долго стоял у окна и смотрел на гаснущие вершины гор. И словно видел маленькую хижину, утонувшую в темной зелени, и людей, живущих там. Он стоял и плакал, прощаясь и с горами, и с лесами, растущими на них, и с дорогами сердцу людьми, — которых он покидает.

Кир стоял и плакал, потому что ему было тогда всего только десять лет.

КИР УЗНАЛ ПРАВДУ

Кир умел сидеть на коне. Этому он научился почти тогда же, когда научился ходить.

Спутники его, лучники и копейщики, которые должны были проводить Кира до отцовского дома, ехали сзади. Хотя и не считали они мальчика наследником мидийского царя — все-таки по отцу он перс и принадлежит народу поработенному, — но было что-то в повадке Астиагова внука такое властное, что мидяне опасались обидеть его.

Мальчик был задумчив и молчалив. Дорога шла на взгорье, солнце палило. Горы все теснее и выше поднимались по сторонам, заслоняя Экбатаны.

Когда Кир оглянулся в последний раз, за спиной уже не было ничего, кроме желтых с лиловыми трещинами скалистых уступов.

Тогда Кир вспомнил о своих спутниках и придержал коня.

— Что вы знаете обо мне? — неожиданно спросил он ехавшего справа оруженосца.

У лучника забегали глаза.

— Может, они что-нибудь знают?.. — кивнул он на своих товарищей.

— Да и ты знаешь, — отозвался тот, что ехал слева.

Это был молодой парень с бронзовым улыбчивым лицом. Он, лихо красуясь, сидел на лошади. За спиной его блестели стрелы, торчащие из колчана, и тугая тетива лука. У пояса позвякивал кинжал.

— Так скажите, что вы знаете обо мне! — потребовал Кир.

Тот, что ехал справа, ответил уклончиво:

— Что можем мы знать? Царь велел проводить тебя в Персию. К родителям.

— Ты говоришь: к родителям. А если мои родители царского рода, так почему же я оказался у пастуха Митридата? Если бы я был внуком царя Астиага, я бы рос во дворце.

— Эх, ничего ты, бедняга, не знаешь! — вздохнул тот, что был слева. — Хоть и вырос ты в пастушьей хижине, а все-таки царь — твой дедушка!

— Дедушка... — не глядя на Кира, проворчал тот, что ехал справа. — Еще как ты и жив-то остался...

— Разговорились! — опять прикрикнул бородач. — Чего развязали языки?.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мой дед Астиаг искал моей смерти? — спросил Кир, и глаза его стали узкими и острыми.

— Вот это он и хочет сказать! — подхватил тот, что ехал слева. — А что умалчивать? Об этом все знают. — И прежде чем бородач успел остановить его, крикнул Киру в лицо: — Он хотел убить тебя!

Кир вздрогнул.

— Как — убить? За что?

— Ха-ха! — Лучник покачал головой. — Эх, ты! За что? За то, что ты сын его дочери!

— Довольно шуметь, — сказал бородач. — Уж если они всё разболтали, так я тебе расскажу по порядку, как было дело.

И он обстоятельно, со всеми подробностями, со всеми слухами и домыслами, рассказал Киру, как и почему он, царский внук, оказался у пастуха Митридата.

Кир слушал не прерывая. Тонкие черные брови его сошлись над переносицей, сливаясь в одну линию. Молодой лучник, ехавший слева, хотел было со смехом вмешаться в рассказ, но, увидев эту тонкую черную линию бровей, вдруг прикусил язык.

«До чего же он похож на царя Астиага!» — мелькнуло у него в голове, и неясный страх

заставил его придержать коня и пропустить Кира вперед.

— Так он хотел меня убить? — спросил Кир, когда бородач умолк.

— Да. Это все знают. Только не выдавай нас Астиагу.

— Так он хотел меня убить! — повторил Кир.

— Да. Ты спасся чудом.

— А Гарпаг почему не убил меня?

— Не мог. Не хотел.

— Не хотел?

— Нет. Он пожалел тебя.

— Гарпаг меня пожалел... — прошептал Кир еле слышно.

И надолго замолчал. Теперь он знал о себе все.

Слух о том, что к Мандане и Камбизу возвращается сын, далеко опередил Кира. В деревнях, через которые проезжал Кир, народ выходил на дорогу и глядел на него с волнением и любопытством.

— Это сын Камбиза? — спрашивали они у всадников. — Это правда?

Мидяне свысока смотрели на персов.

— Это сын Манданы, дочери Астиага.

Но персы повторяли друг другу:

— Это сын Камбиза! Сын Камбиза! Он перс... Наш... Наследник мидийского царства — наш!

И этот радостный шепот летел далеко вперед по долинам и каменистым нагорьям персидской земли, по деревням и городам, до города Пасаргады, до самого дома Камбиза и Манданы.

Взволнованные, они верили и не верили этому. Они знали, что их маленький сын умер и похоронен в царской усыпальнице. Они столько лет проклинали Астиага за эту смерть!

А теперь им говорят, что их сын жив, что их мальчик возвращается в дом своих родителей и что он уже здесь, близко!

Камбиз сел на коня и с небольшим отрядом слуг выехал навстречу Киру.

Не успел он выехать из городских ворот, как на дороге показалась ватага мальчишек.

— Едут! Едут! — кричали они.

И, увидев Камбиза, окружили его.

Камбиз приказал оставить его одного.

Ему хотелось, чтобы никто не мешал ему, когда его первый взгляд встретит сына. Какой он, этот мальчик? И действительно ли это его сын? Неужели боги все-таки свершили чудо, вернув ему ребенка?

Камбиз так задумался, что когда поднял глаза, то увидел, что всадники уже близко. Первый же взгляд решил все. Да, этот стройный мальчик с горделивой осанкой и черной изогнутой линией крутых бровей — его сын. Он почувствовал это всей своей кровью.

«Боги свершили чудо. Сегодня принесу им жертву».

И он тронул коня навстречу Киру.

Мандана не задумывалась и не сомневалась. Плача от такого неожиданного счастья, она выбежала из дома и приняла Кира в свои объятия.

В доме было полно людей — пришли родственники, пришли друзья. Шум, говор, восклицания, счастливый смех... Это был великий праздник в семье Камбиза. И вдвое великий праздник для всех персов. Но об этом они говорили тихо, опасаясь мидийских ушей.

— Сын Камбиза будет царем Мидии — он наследник Астиага. А ведь сын Камбиза — перс! Перс! Перс!

Когда мальчик отдохнул от тяжелого пути, от шума встречи и от объятий родственников, мать стала спрашивать о том, как и где он жил? И почему не убежал раньше к своим родителям? И почему не дал им знать, что он жив, когда они считали его погибшим?

— Я обо всем узнал совсем недавно, — отвечал Кир, — а о том, что царь хотел убить меня, узнал только дорогой.

— Мальчик, царь — твой дед! — с упреком прервала его Мандана.

Ей хотелось, чтобы Кир забыл об этом страшном решении Астиага. Разговоры об этом были опасны. И ведь не убил же ее отец ее сына!

— Царь — мой дед, — упрямо повторил Кир, — и он приказал убить меня. А Гарпаг не убил. И Митридат не убил. А Спако меня вырастила... и...

Здесь голос Кира задрожал, и он опустил ресницы, чтобы скрыть набежавшие слезы.

— Она очень добрая... Я очень люблю ее.

— Но ведь не она твоя мать! — поспешно прервала Мандана. — Мать — это я. Я! Разве я меньше любила бы тебя?

— Разве ты был бы меньше счастлив у нас? — мягко упрекнул и Камбиз.

Мальчик быстро взглянул на мать, на отца и, овладев своим волнением, снова начал рассказывать.

— Мы пасли быков в горах. Там большой лес. Очень густой. К стаду выходили волки. Но отец не боялся их. Он их отгонял бичом. И я не боялся. А когда я, бывало, запоздаю и приду домой поздно, мать... Спако ждет меня. Она никогда не ляжет спать, если меня нет дома. Я очень люблю ее.

— Неужели ты, мой сын, никогда не сможешь признать меня матерью? — сказала Мандана.

— Ведь я не виновата, что так случилось! Отец отнял тебя, он вырвал тебя из моих рук!

— Мы любили тебя, сын, и умершего, — тихо вздохнул Камбиз.

Киру стало жалко этих пока еще чужих ему людей. Вот они плачут теперь перед ним. Им больно, что он любит Спако, что Митридата называет отцом. А как он может забыть Спако и Митридата, как он может перестать любить их, если даже не они его отец и мать? Жестокие

слова готовы были сорваться: «А почему же мои родители не защитили меня, почему отдали на смерть? Почему не вырвали меня из рук деда и не укрыли от гибели? «

Но он промолчал.

— И ты спал в хижине на соломе, ты — царский внук? — с сокрушением начала Мандана. — Ты, как простой пастух, пас быков и сражался с волками?

— Но зато отец... но зато Митридат научил меня ездить верхом и стрелять из лука. Мы с ним убили медведя, а когда кабаны нападали на наше поле, мы прогоняли их.

Внезапно взглянув в окно, Кир вскочил:

— Уже вечер... Поздно, а я так далеко... Спако ждет меня!

— Опять Спако! — крикнула Мандана и вышла, закрыв руками лицо.

— Мальчик мой, — печально сказал Камбиз, — ты должен понять, что уже не вернешься туда. Ты должен смириться с этим.

— Но Спако плачет теперь, — смущенно сказал Кир. — Я знаю, что не вернусь. Только я вдруг подумал: уже поздно, а она, может быть, ждет. Я хочу, чтобы они тоже приехали сюда. Можно, чтобы они приехали? Пусть живут здесь. Они ведь будут очень тосковать одни, без меня!

Кир с надеждой посмотрел в глаза Камбиза. Но тот только пожал плечами.

— Я не думаю, чтобы твой дед отпустил их.

И про себя добавил:

»...если они еще живы».

— Когда я вырасту, я возьму их к себе, — сказал Кир.

— Когда вырастешь, поступишь, как захочешь. А теперь ты прежде всего должен помнить о том, что ты — внук царя. Правда, ты перс, но и персы не всегда были данниками мидян. А Персия, твоя родина, у них в презрении. Вот о чем ты не должен забывать. Будь мужествен — у тебя другая судьба!

— Какая судьба у меня? Я буду царем?

— Тс-с... Я вовсе не хотел сказать этого!

Камбиз испугался — не молвил ли он лишнего? И поспешно заговорил о чем-то другом.

А Кир задумался.

Скоро все утихло и умиротворилось в доме Камбиза. И мать, рассказывая о чудесном спасении Кира, всегда добавляла:

— Его вскормила собака! Он будет необыкновенным человеком!

Ей не хотелось, чтобы люди говорили, что ее сына вырастила рабыня, жена пастуха. Уж лучше пусть будет чудо — мальчика вскормила собака.

Тем более, что Спако и собака — одно и то же слово!

СКИТАНИЯ

В доме отца Кира учили всему, что должен знать и уметь перс: ездить на коне, стрелять из лука и всегда говорить правду.

Учили Кира и тому, что не дозволяется делать. И опять, прежде всего, — не лгать. Лживость считалась у персов самым постыдным из всех пороков. Чего нельзя делать, того нельзя и говорить.

Вторым, после лживости, важным пороком было иметь долги. И тут сказывалось то же отвращение ко лжи: ведь должник вынужден лгать!

Нельзя плевать в реку. Нельзя мыть руки в реке. И нельзя позволять кому-либо делать это. Река — божество. А богов надо почитать.

Богам не нужно ни храмов, ни алтарей. Глупцы те, кто строят храмы и кто представляет себе богов такими же, как люди.

Но жертвы богам надо приносить. Приносить жертвы надо Солнцу — оно согревает, дает жизнь, посылает урожай. Луне — она ведает водами. Земле — она кормит людей и кормит их стада. А также Воде, Огню, Ветрам — природе, от которой зависит жизнь человека.

Кира учили, как должно вести себя с людьми. Если человек с тобой одного звания, поцелуй его в уста, встретившись на улице. Если человек званием немного ниже, поцелуйте друг друга в щеку. Если же повстречаешь знакомого, который гораздо ниже тебя по званию, тот должен пасть перед тобой на колени и поцеловать тебе ноги.

Проходили годы. Кир стал сильным, красивым юношей. В кругу своих сверстников из знатных персидских семей Кир проводил веселые дни. И во всем он был первым.

Никто лучше его не стрелял из лука, никто так отважно и красиво не умел скакать на коне, никто так метко не бросал копьё. Он превосходил всех, он был как луна среди звезд. И все его любили, потому что он был прост в обращении и умел себя вести так, что никого не подавлял и не оскорблял своим превосходством.

Кир не любил сидеть в четырех стенах. На своем крупном выносливом коне он скакал, окруженный товарищами, по рыжим, спаленным жгучим солнцем нагорьям Персиды.

Они углублялись в зеленые влажные долины, полные птичьих голосов и свежего дыхания горных водопадов, над которыми часто висело сияние радуги.

Они поднимались высоко в горы, карабкались по отвесным скалам с крутыми обрывами, забирались в узкие глухие ущелья, где легко встретить безвестную и безмолвную смерть.

Они охотились на леопардов в диких пустынях, где мертвым белым блеском светились солончаки и земля, не знающая дождей, как металл, звенела под копытами.

И каждый раз, когда Кир садился на коня, а товарищи его уже толпились у ворот, Камбиз говорил им:

— Персы, берегите Кира!

В его словах, в его взгляде было столько глубокого значения, что беззаботные спутники Кира

сразу становились серьезными. Они знали, кого сопровождают и что значит этот юноша для их угнетенной мидянами страны.

Кир много видел во время этих поездок. Он видел, как дрожат очертания далеких зубчатых вершин в мареве раскаленного воздуха, как плывут по склонам перламутровые тени облаков.

Иногда он останавливался, увидев лиловое, как аметист, озеро, неподвижно лежащее в ладонях розовато-желтых скал, которые бережно держали его, словно боясь расплескать...

Однажды Кир вернулся домой расстроенный.

В зеленой долине его встревожил пряный запах шпата, и Кир вдруг умолк среди веселой беседы. Где он слышал этот запах? Когда?

И тотчас он очутился возле далекой лесной хижины, где у порога росли эти маленькие желтые пахучие цветы.

Спако! Митридат!

Как это все далеко... Так далеко, что и следы исчезли. Он не раз пытался разыскать их, посылал туда преданных ему людей, но никого не нашел. Даже имен этих — Спако и Митридат — никто не произнес ни разу. Даже от хижины их ничего не осталось.

Случалось, что неведомые дороги уводили Кира очень далеко. Ему захотелось побывать в пустыне Деште-Кевир, и товарищи никак не могли удержать его.

Они увидели там красноватую зловещую даль, где только чахлые колючки росли на барханах. Но, к счастью, не успели забраться в глубь ее — буран, поднявший черную песчаную пыль, закрыл солнце и испугал Кира.

Побывал Кир и на берегу Персидского залива. Тут выпадало мало дождя, почва была бесплодна и только финиковые пальмы росли хорошо. С неясными думами стоял он над зелеными волнами. В этот залив впадают воды великих рек — Тигра и Евфрата. Там, на их берегах, лежит могущественное царство — Вавилония. Там, где-то на Евфрате, воевал его прадед Киаксар...

Начинался отлив, медленный и незаметный в этом море. Кир ждал, когда обнажится дно, и потом, как мальчишка, удивлялся ветвистым колониям кораллов, крабам и моллюскам, сверкавшим, словно драгоценные камни, на мокром песке...

А потом он переправлялся на остров и сидел там на берегу с ловцами жемчуга. Груды крупных раковин с прилипшей на них тиной громоздились у его ног. В этих раковинах, поднятых со дна моря, таились драгоценные жемчужины — и розоватые, и с оттенком желтизны, и белые, полные теплого сияния.

Ловцам они не доставались — хозяева отбирали жемчуг. Изнуренные, с воспаленными глазами, ловцы ныряли с открытыми глазами на глубину пяти — семи метров, зажав нос костяными рогульками, с грузом, подвешенным к ногам. Жемчужины украшали тиары [4] царей, сияли на груди богатых вельмож. А недолговечная жизнь ловцов жемчуга проходила в беспросветной нищете. Обо всем этом они рассказывали Киру.

Кир заглядывал в тростниковые, обмазанные глиной хижины рыбаков и здесь тоже находил друзей и собеседников.

Кир проносился со своими спутниками по каменистым пустыням и степям, останавливаясь ночевать в стойбищах пастухов, которые пасли свои стада грубошерстных овец, стада

верблюдов и лошадей, коров, буйволов и ослов.

И всюду, где ночевал, где ел пшеничные лепешки и пил кислое вино, он подолгу разговаривал с людьми. Он хотел знать. их мысли, их чаяния. Чтобы управлять людьми, надо знать, как и чем они живут.

И всюду люди, что постарше, старались молчать, вздыхая и опуская глаза. А те, что помоложе, охотно отзывались на его пытливые вопросы. Жить тяжело, трудно. Мидийцы задушили налогами. Запугали жестокостью. Ярмо рабства становится невыносимым. Но что делать? Астиаг силен, в его руках войска, и военачальники не персы, а мидяне.

Кир слушал внимательно. И молчал. Он знал Астиага и давно научился осторожности.

А когда Кир, окруженный молодыми персами, возвращался домой и все они снова принимались за игры, за стрельбу из луков, за соревнования в скачках и всяческие забавы, то даже самые близкие друзья Кира не догадывались, что он помнит все увиденное и услышанное в дальних поездках и что он подолгу думает об этом.

Сегодня, опаленный зноем каменистых дорог, Кир, едва умывшись, пришел к отцу.

— Отец, ты был на Демавенде?

Камбиз с удивлением посмотрел на него. Яркие глаза Кира были широко открыты. В них светилась отвага и еще какая-то глубокая, затаенная, непонятная отцу мысль.

— Нет. Я даже не видел Демавенда. Ведь это очень далеко.

— Я знаю. Когда я жил там... — Кир не хотел произносить имени Митридата, — мне рассказывали...

Кир мог бы поведать отцу, что рассказывали ему о Демавенде, об этой высочайшей вершине хребта Эльбурса, когда он жил «там». Когда-то этот вулкан извергал пепел и лаву, наводя ужас на всю страну. Теперь он молчит, и только маленький вулкан Дуде-Кух на его южном склоне еще дымит и дышит сернистым газом, расстилая сизую дымку по окрестным горам.

— А кто-нибудь был там, на вершине?

— Нет, — отвечали ему, — там лед и холод.

— А летом?

— И летом. Человек сразу умирает, если вздумает подняться туда. Там живут демоны. И маги пришли от Демавенда. У подножия этой горы — их родина.

Ему рассказывали об угрюмых зубчатых гребнях Демавенда, покрытых желтой серой. О камнепадах, грохочущих там. О долинах, закованных льдом, о ледяных барьерах, преграждающих человеку доступ к жилищу богов...

Но Кир избегал разговаривать с отцом о том времени, когда он жил в хижине пастуха.

— А у нас в Персии есть такая же высокая гора?

— Нет.

— А могу я добраться до Демавенда?

— Зачем тебе туда?

— Я хочу знать: далеко ли видно оттуда?

— Никто не знает этого. Не узнаешь и ты.

— Мазандеран видно?

— Думаю, что видно.

— А Деште-Кевир?

— Деште-Кевир видно тоже.

— А дальше?

— О чем ты говоришь, Кир?

— Я хочу знать: виден ли оттуда Вавилон?

Отец сверкнул на него взглядом и отвел глаза.

— Ты — внук своего деда, Кир. Ты меня пугаешь. Что тебе надо в Вавилоне?

— Царь Киаксар ходил в Ассирию. Он воевал с Ниневией и победил. А когда я буду царем, я возьму Вавилон.

Камбиз быстро оглянулся. В покоях никого нет, но у Астиага везде есть уши.

— Я не хочу слушать тебя. Молчи!

Но, видно, речи Кира затронули его тайные мечты, которые он даже себе самому боялся высказать.

— Царь Астиаг сам возьмет Вавилон. Он давно готовится к этому походу. А при чем здесь ты? — стараясь сохранить строгий вид, сказал Камбиз. — Ты — внук царя. Но ты — сын перса. Сын Камбиза, данника Мидии!

Тяжелая горечь прозвучала в этих словах. Разве забывал Камбиз когда-нибудь, что его Персия в рабстве? Разве забывал, что он сам, хотя и царского рода, ниже последнего из мидян? Разве не устал слышать от мидийской родни своей жены, что он живет с женщиной, которая намного выше его по рождению и которая так унижена своим браком с ним, с персом!

Глаза Кира вспыхнули.

— А разве у Астиага есть сыновья? — запальчиво спросил он. — Или есть другие внуки? И разве царь Астиаг бессмертен?

— Благодарю богов, что ты еще жив! — закричал Камбиз. — Хватит! Я больше не слушаю тебя!

И он вышел, зажав уши руками.

ПИСЬМО ГАРПАГА

Может быть, веселые, пестрые дни цветущей юности Кира, которые мчались, полные

приятных забот, путешествий, игр и развлечений, совсем отодвинули бы тяжелые воспоминания детства и мстительную ненависть к тому, кто сидит сейчас за семью зубчатыми стенами в Экбатанах, к тому, кто держит в рабстве его отца, к тому, который когда-то приказал убить его... Может, еще ждал бы Кир в бездействии поворота своей судьбы, если бы обо всем, что случилось тогда, забыл Гарпаг.

Но Гарпаг ничего не забыл.

Он был тем же преданным царю вельможей. Он охотно выполнял поручения Астиага, был всегда спокоен, всегда почтителен. Все, что ни делает царь, хорошо. Все, что он решает, мудро. Он весь принадлежит царю. Пусть в любую минуту Астиаг потребует от Гарпага его жизнь — Гарпаг умрет!

Но, приходя домой, он становился самим собою. Печальная тишина покоев неизменно напоминала ему о том маленьком живом человеке, который ушел отсюда, посланный на смерть его рукой... Гарпаг видел его; он видел вдруг расширившиеся от страха глаза мальчика, когда, запнувшись, он остановился на пороге. Гарпаг протягивал руки, будто стремясь удержать ребенка, и тут же, опомнившись, бессильно опускал их.

И тогда он скрежетал зубами и злым шепотом проклинал Астиага и призывал на его голову гнев всех богов, какие только могут вмешаться в жизнь человека. И, устав от проклятий, плакал.

Гарпаг еще не знал, как отомстит царю. Но его мысль работала над этим неустанно. Он должен отомстить, и он это сделает. Но как? Что он может сделать Астиагу, человеку подозрительному и осторожному, который всегда окружен охраной за своими семью стенами? Ведь не может же он собрать войско и захватить царя и потом казнить его так, как он заслуживает за свою свирепость! Гарпаг только родственник царя, но царем он никогда не будет.

Тут перед ним возникал Кир. Вот кто будет царем! Рано или поздно он будет царем. Он поможет Гарпагу отомстить за все. Только нельзя допустить, чтобы Кир забыл о прошлом.

И Кир время от времени стал получать тайные подарки из Мидии.

То прибывали кони из Нисейской равнины, самые лучшие кони страны, которые славились своей выносливостью, быстротой и красотой, — подарок Киру от Гарпага.

То привозили египетский чешуйчатый панцирь, украшенный золотом, — подарок Киру от Гарпага.

То красивый красный, расшитый золотыми птицами плащ, достойный царского плеча, — подарок Киру от Гарпага.

Кир принимал и благодарил. И Гарпаг знал, что юный Кир помнит о нем.

Годы шли. Гарпаг торопил их. По ночам, лежа без сна, он считал и подсчитывал, сколько лет теперь Киру. Гарпаг знал о мальчишке все: что он растет, как выхолненное деревцо; что он лучше всех своих товарищей скачет на коне и стреляет из лука; что он красив, как молодой месяц... Скоро, уже скоро станет Кир взрослым, станет мужчиной, с которым можно будет вести серьезный и трудный разговор. Как-то он отзовется на то, что ему скажет Гарпаг?

А пока подрастал Кир, Гарпаг не терял времени. Осторожно, с опаской, с каждым порознь он вел тайные разговоры с мидийскими вельможами.

— Наш царь жесток, — говорил он, — мы никогда не можем поручиться за то, что будет через день, через час. Нынче он тебе улыбается, завтра прикажет схватить и заковать в цепи,

зарезать, пустить стрелу из-за угла. Как дальше жить с таким царем? И почему мы должны терпеть его?

А так как в редкой семье кто-нибудь не пострадал от Астиага, то придворные всё чаще и внимательнее прислушивались к Гарпаговым речам. Одни соглашались. Другие робко отмалчивались. А третьи сами горели от ярости и готовы были на все, чтобы отомстить Астиагу за свои беды и горести. И каждый спрашивал:

— А кто же у нас будет царем? Ведь у Астиага нет сына!

И Гарпаг каждый раз отвечал:

— Но у него есть внук.

Постепенно имя Кира все чаще стало повторяться в домах влиятельных людей. Мидийским вельможам надоело трепетать перед Астиагом, он утомил и раздражил их своей жестокостью, вспышками своей ярости, своим безграничным своеволием и вероломством.

Вельможи молчали и прятали глаза перед Астиагом. А царь, уверенный в своем могуществе, ничего не замечал, ничего не подозревал.

У него не нашлось ни одного друга, который предупредил бы его. Вокруг были только враги. Астиаг достаточно потрудился в своей жизни для этого.

Наконец наступил день, когда Гарпаг решил открыть свой замысел Киру.

Но как сообщить ему об этом? Как узнать, согласен ли Кир стать их царем при живом царе. При такой игре на кон ставится жизнь. Астиаг, если победит, щедро расплатится казнями и пытками.

Как сообщить Киру? Кир живет в Персии. Все пути из Мидии охраняются стражей. Всюду лазутчики и шпионы. Письмо, отправленное в Персию, будет немедленно прочитано.

Пришлось пойти на хитрость. Гарпаг приказал доставить ему битого зайца.

Взяв зайца, Гарпаг заперся в своих покоях. И там тайно, чтобы никто не знал и не видел, разрезал живот зайца, и сделал это так искусно, что не тронул шерсти. В живот зайца он вложил свое письмо, в котором рассказал Киру обо всем, что задумал. И снова зашил зайца. Потом он позвал своего самого верного слугу.

— Возьми зайца, — сказал он, — и возьми сеть. Если спросят, кто ты, куда идешь, скажи, что ты охотник, вот поймал зайца и теперь идешь домой. А сам иди в Персию, в дом Камбиза. Найди Кира и передай ему этого зайца. И скажи ему: пусть он собственноручно разрежет зайца, но чтобы при этом никого не было.

Верный слуга взял зайца, сунул его в сеть и тотчас отправился в дорогу.

Молодой Кир удивился, когда, вернувшись с охоты, увидел человека, дожидавшегося его с зайцем.

Но, заглянув ему в глаза, Кир не стал ни о чем расспрашивать.

— Разрежь зайца, чтобы никто не видел, — шепнул ему слуга Гарпага.

Кир заплатил ему, сделав вид, что сам просил доставить зайца. Слуга тотчас ушел.

Кир, волнуясь, заперся в своих покоях и, схватив кинжал, нетерпеливой рукой разрезал зайца. Осторожно вскрыв ему живот, он достал письмо.

«Боги хранят тебя, сын Камбиза, — писал Гарпаг, — иначе ты не поднялся бы на такую высоту. Отомсти Астиагу, своему убийце. Он желал твоей смерти. Ты живешь только благодаря богам и мне. Я полагаю, что все давно тебе известно: и то, как поступили с тобой, и то, как я наказан Астиагом за то, что не погубил тебя, а передал пастуху. Если пожелаешь довериться мне, будешь царем всей земли, в которой царствует теперь Астиаг. Склони персов к восстанию и иди войной на мидян. Если Астиаг назначит полководцем меня в войне с тобою, то случится желательное для тебя. Если же кого-нибудь другого из знатных мидян, все равно, ибо мидийская знать прежде всех отложится от Астиага и постарается вместе с тобой низвергнуть его. Так как здесь все готово, то действуй, действуй возможно скорее».

КИР ДЕЙСТВУЕТ

Кир с пылающими глазами и крепко сжатым ртом долго сидел над посланием Гарпага.

«...Если пожелаешь довериться мне, будешь царем всей земли... « Царем всей земли!

«...действуй возможно скорее».

Действуй! Но как действовать? Что надо делать?

«...склони персов к восстанию...»

Но как склонить? Если он сейчас начнет говорить об этом с персами, то кто поручится, что в ту же ночь не помчится предатель к Астиагу с доносом?

Нет. Так просто это дело начинать нельзя. Посоветоваться с отцом? Но Камбиз слишком робкий и осторожный человек. Он женат на царской дочери, а живет почти в изгнании. У него отняли и чуть не погубили сына-первенца, и он отдал своего сына, даже не пытаясь защитить его!

Нет, отец ему в этом деле не советчик.

Юный Кир в ту ночь не ложился спать. Мысли вихрились, не давали успокоиться. На секунду мелькнуло: а может, отказаться от этого чересчур рискованного дела? Но только мелькнуло — Кир уже не мог отказаться от тех головокружительных перспектив, которые в таком блеске раскрылись перед ним.

«...будешь царем всей земли, в которой царствует теперь Астиаг».

«Но я никогда не буду таким царем, как Астиаг, — думал Кир. — Он злодей и убийца. Он не знает границ своей свирепости, его боятся и ненавидят. Я освобожу от него Персию. Я верну ей свободу. Персия! Как она придавлена, в каком она презрении! Я должен освободить страну моих отцов, страну моего народа. Я должен. Но как?»

Долго обдумывал Кир предстоящее ему дело. И, наконец, решил, что без хитрости ему не обойтись.

И вот что он придумал.

Кир написал письмо, поставил подпись Астиага и запечатал. И объявил всем, что письмо это получил от царя.

Чтобы прочитать письмо, он созвал персов — всех, кто мог прийти на площадь. Персы

собрались, всем было важно знать, что пишет царь их соплеменнику Киру.

Кир вскрыл письмо и прочел его вслух. В письме говорилось, что царь Астиаг назначает своего внука Кира военачальником персов.

Известие это было принято хорошо. В первый раз с тех пор, как Мидия поработила Персию, военачальником над персами стал перс. Сразу какие-то еще не ясные, но радостные надежды засияли в глазах людей, какое-то оживление появилось в разговорах. В один голос они приветствовали своего нового военачальника Кира.

— Теперь, персы, слушайте меня, — сказал Кир, чувствуя, как радость и надежды народа приподнимают его и наполняют его сердце смелостью. — Предлагаю вам явиться сюда завтра с косами в руках.

Кир позвал не всех персов. Он отобрал наиболее уважаемых и влиятельных людей из племен пасаргадов, марафиев, маспиев. Пасаргады — племя, к которому относился и род Ахеменидов. К этому роду принадлежал отец Кира, а значит, и сам Кир.

Когда те, кого позвал Кир, явились к нему с косами в руках, он приказал им выкосить за один день огромный луг, совсем заросший бурьяном и терновником. Персы недоумевали, однако тотчас принялись за работу. Они верили, что Кир назначен Астиагом управлять ими, а при имени Астиага каждого пробирала дрожь. Они радовались, что военачальником назначен именно Кир — молодой перс, умный, рассудительный, смелый. Они только не могли понять, что придумал Кир и зачем заставил делать эту трудную рабскую работу.

К закату солнца луг был скошен. Он лежал чистый, ровный, только косматые кучи бурьяна чернели на нем.

К концу работы Кир явился на луг.

— Я вижу, вы сделали то, что я велел. И сделали хорошо, хотя вам и пришлось как следует потрудиться. Теперь я прошу вас всех явиться сюда завтра, но предварительно хорошенько омывшись.

Всё так же недоумевая, персы разошлись по домам.

Ночью Кир приказал согнать в одно место отцовские стада — коз, овец, быков. Всю ночь шли приготовления к пиру — резали скот, жарили мясо, запасали вино.

Камбиз ни во что не вмешивался. Он подозревал, что Кир затевает опасное дело, но понимал, что удержать и помешать ему он уже не сможет. Со страхом и радостной надеждой он следил за его распоряжениями и не мешал Киру.

Да и как помешать, если сам Астиаг назначил его военачальником!

Утром персы явились снова в ожидании: что же Кир заставит делать сегодня? Кир встретил их любезной улыбкой и пригласил расположиться на лугу. Слуги поспешно стали разносить мясо и вино, а Кир ходил среди гостей — угощал их, приветствовал, как своих самых лучших друзей и родственников. И по всему лугу зашумело веселье.

Пир окончился только к вечеру. Но прежде чем гости разошлись, Кир обратился к ним:

— Что вы предпочитаете, персы: вчерашнее или сегодняшнее?

Персы с улыбкой переглядывались.

— Между этими двумя днями большая разница! — отвечали они. — Вчерашний день — одни лишь тягости, а сегодня — только удовольствия!

Кир тотчас подхватил эти слова.

— Таково ваше положение, персы, — сказал он. — Если вы последуете за мною, то будете пользоваться многими благами, будете свободны от работ, которые дают только рабам. Если же откажетесь, то будете обременены так, как были вчера. Я чувствую, что божеским определением назначен освободить вас: следуйте за мной и будете свободными. Вы же, персы, — я в этом уверен — ничуть не ниже мидян, и уж подавно не в храбрости.

Слова эти были неожиданны и потрясающи. Восторженный гул долго стоял над лугом, где догорали пиршественные костры. Персы давно были готовы вступить в бой за свою свободу, но у них не было вождя.

Теперь вождь явился.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Так как у царя Астиага по всей стране бродили подглядыватели и подслушиватели, то он очень скоро узнал, что происходит в Персии.

Астиаг был вне себя.

— Что он там делает? — кричал Астиаг. — Что он задумал? Я знал, я чувствовал. Боги не обманывали меня, они меня предупреждали!

Астиаг приказал немедленно послать вестника в Персию.

— Пусть Кир сейчас же явится ко мне!

Молодой Кир встретил вестника очень спокойно. Он только что сошел с коня, вернувшись из дальней поездки, — он ездил вербовать войска. Кир стоял в простой кожаной одежде, в грубом плаще из толстой шерсти, который так хорошо защищает в непогоду, — он в то время еще не знал роскоши и не стремился к ней. Только ножны короткого широкого меча, висевшего у него по персидскому обычаю на правом боку, сверкали золотом и дорогими камнями.

Кир выслушал приказание царя Астиага. Явиться в Экбатаны во дворец с семью зубчатыми стенами и там умереть мучительной смертью. Разве не знает он своего деда?

В черных глазах Кира засветилась насмешка, похожая на угрозу.

— Передай царю Астиагу: Кир придет к нему, и даже раньше, чем царь того желает!

С трепетом принес вестник царю эти дерзкие слова. И Астиаг тотчас приказал мидянам готовиться к войне.

Мидия встревожилась, зашумела.

— Ты не придешь! — повторял Астиаг, грозя Киру. — Тебя приведут ко мне!

Он еще не знал, как накажет Кира. Но что наказание будет страшным — это он знал.

Со всех сторон Мидии шли в Экбатаны отряды воинов, вооруженных мечами, стрелами и копьями. Готовили обозы с продовольствием. Сгоняли скот, который на войне должен следовать за войском.

Чтобы подготовиться к походу, понадобилось немало времени. Целый год прошел в этих сборах и приготовлениях. Астиаг хотел хорошенько снарядить свои войска, чтобы сразу усмирить восставшую Персию.

Но и через год Астиаг не тронулся с места. Ему захотелось отдохнуть перед войной. Астиаг не спешил: он был уверен в победе. Такое ли грозное государство Персия, чтобы Астиагу беспокоиться? Да и персы еще могут одуматься и прийти с повинной. Нельзя же всерьез принимать такого полководца, как этот мальчишка Кир, который людям на смех называет себя царем!

Однако время шло, а персы по-прежнему отвергали власть Астиага.

Надо начинать войну. Мидийские войска готовы. Но кого же назначить полководцем?

И тут боги помрачили рассудок царя — он назначил своим главным военачальником Гарпага. Астиаг забыл, что он сделал этому человеку. Гарпаг, выслушав приказ, опустил ресницы, чтобы царь не увидел, какой жестокой радостью загорелись его глаза.

Гарпаг не стал медлить. Он тут же повел войска на персидскую границу.

Царь, глядя из-за золотых зубцов своей крепости, как сверкают под солнцем копья уходящих солдат, сжимал бескровные губы от затаенного торжества. Скоро эти войска вернутся обратно. Гарпаг — опытный воин и полководец, ему ничего не стоит усмирить Персию. Войска вернутся и приведут в Экбатаны Кира. Вот тогда Астиаг поговорит с ним!

Каждый день Астиаг ждал вестей о победе мидян. Но вести пришли странные, ошеломляющие. Мидийские войска не стали сражаться с персами! В бой бросилась только небольшая их часть, не знавшая о сговоре Кира и Гарпага. А остальные — или открыто, вслед за Гарпагом, перешли на сторону персов, или просто бежали, не желая сражаться.

Лишь только Астиаг услышал о таком позоре, он грозно воскликнул:

— Несдобровать же Киру!

И тотчас велел позвать магов, которые тогда посоветовали ему отпустить Кира.

— С кем из богов совещались вы, когда велели мне отослать Кира в Персию? Что видели вы, предсказывая мою судьбу?

Маги молчали, дрожа от ужаса. Они уже знали, что их ждет смерть.

— Если вы могли предвидеть, что так случится со мной, то предвидели ли, что случится с вами?

— Без тебя мы погибли бы, царь, — отважился возразить один из магов. — Твой сон предсказывал...

— Я знаю, что предсказывал мой сон, — прервал Астиаг. — Мой сон предсказывал, что вы будете повешены!

Маги с воплями упали перед Астиагом. Они умоляли помиловать их и не предавать такой

страшной казни.

Но Астиаг позвал охрану и приказал немедленно казнить их так, как сказал.

Стража схватила магов. Стоны магов, которых вели на казнь, разносились далеко вокруг. Люди слышали их, но каждый спешил прочь:

— Да минует нас гнев Астиага!

Астиаг не оставался в бездействии. Проклиная Гарпага, проклиная себя за то, что доверился изменнику, он поспешно вооружал всех, кто еще мог носить оружие. И, кипя негодованием, забыв о еде и отдыхе, Астиаг сам повел свое войско в поход против персов.

Три года длилась эта война. Напрасно стремился Астиаг разбить Кира и снова привести в подчинение Персию — он проигрывал сражение за сражением. Но он не успокаивался, он продолжал воевать, собрав в свои отряды даже мальчиков и стариков. Он все еще надеялся победить.

К концу третьего года войны Астиаг был разбит. В этом последнем сражении все его войско легло на поле боя на персидской земле. А сам Астиаг был взят в плен.

— Как ты поторопился, Астиаг, — сказал ему Кир. — Мог бы дождаться, когда я сам приду к тебе!

Астиаг в плену. Астиаг в темнице, в цепях. Астиаг в руках Кира.

«Сбылось предсказание богов! — думал Астиаг в тоске. — Они меня предупреждали, что так будет».

Но эти маги!.. Если бы можно было, он казнил бы их и во второй раз. И в третий.

И что теперь решит Кир? Что он сделает с Астиагом? А Мандана, его дочь, — разве она не заступится за своего отца? Ведь он, в конце концов, не убил ее сына!

В то время как пленный царь сидел и раздумывал о своей грядущей судьбе, к нему в темницу вошел Гарпаг.

В богатой кольчуге и плаще, с дорогим кинжалом у пояса, высокий, словно распрямившийся, он стоял и смотрел на Астиага. Он смотрел на него сверху вниз с высоты своего роста, и видно было, как он наслаждается этим зрелищем. Сейчас он мог как угодно оскорбить и унижить своего злейшего врага — Гарпаг так долго ждал этой минуты, и он ее дождался!

— Нравится ли тебе рабство вместо царской власти? — сказал он наконец с горькой насмешкой. — Впрочем, что твоя беда по сравнению с тем пиром, на котором ты так знатно угостил меня!

Астиаг вскинул на него острые злые глаза. В них блеснула догадка.

— Уж не причастен ли ты к делу Кира?

Гарпаг усмехнулся.

— Не причастен ли! Да, я сам все это обдумал. Я сам написал Киру и научил его, как надо поступить. «Не причастен ли!»! Дело Кира — это мое дело!

Астиаг вскочил, громя цепью.

— Ты глупейший и бессовестнейший человек! — закричал он. — Глупейший — потому что мог

бы сам быть царем, а сделал царем другого человека. И бессовестнейший — ты из-за пира, который тебе не понравился...

— «Из-за пира»! — с негодованием и слезами в голосе Гарпаг прервал Астиага. — Из-за пира, который мне не понравился!

— Из-за пира, который тебе не понравился, — не слыша его, кричал Астиаг, — ты из-за этого пира обратил в рабство мидян. Если уж тебе непременно нужно было другого царя вместо меня, почему же ты не сделал царем мидянина, а отдал царскую власть персу? Теперь ни в чем не повинные, несчастные мидяне из господ стали рабами! А персы, бывшие рабы, стали господами их!

— Не ищи, на кого свалить вину за это, — сказал Гарпаг с презрением. — Во всем, что случилось, виноват только ты сам, твоя свирепость. Мидяне не будут более несчастными под властью персов, чем были под властью безумного, бесчеловечного царя, который терзал свой народ!

И, более не слушая Астиага, Гарпаг не оглянувшись вышел из темницы.

Так кончилось царство Астиага, продолжавшееся тридцать пять лет.

И так началось царство персидского царя Кира.

«Астиагу Кир не причинил никакого вреда и держал его при себе до смерти», — этими словами заканчивает Геродот свое повествование о том, как молодой Кир победил Астиага и стал царем.

ЦАРЬ КРЕЗ

Кир не стал мстить Астиагу. Он освободил его из темницы, позволил жить в своем доме и даже приказал почитать его как бывшего царя и как своего деда. Только не допускал его вмешательства в государственные дела и не слушал ни его советов, ни его порицаний.

Кир не поработил и не унизил Мидию. Он объединил ее с Персией, и оба народа стали одним государством.

Он не разорил и столицу побежденного царя, как это было в обычае у царей Азии. Экбатаны так и остались столицей наравне с большими персидскими городами Пасаргадами и Сузами.

Кир любил Пасаргады.

В этом городе, как наиболее укрепленном, хранились его сокровища, его государственная казна. Там же находились гробницы его персидских предков.

Но, став царем, Кир увидел, что эти города да и вся Персия лежат на окраине его большого государства. И что гораздо удобнее для его замыслов основать царскую резиденцию в Сузах, или в Шушане, как тогда говорили.

Область Сузиана находилась в глубине страны, ближе к Вавилонии, у моря, и побережье ее тянулось почти до самого устья Тигра.

Кир украсил и укрепил Сузы. Он возвел крепкие городские стены из обожженного кирпича и асфальта. Построил там дворец, который был роскошнее всех дворцов Персии и Мидии.

Сузиана была очень плодородная страна. В реке Хоасп [5], на которой стояли Сузы, была необыкновенно свежая и чистая вода.

Однако в Сузах Кир жил только зимой. Высокие горы на севере Сузианы перехватывали холодные северные ветры, и они проходили поверху, минуя Сузы. Поэтому в летние месяцы там просто горела земля от зноя.

«...Летом, когда солнце сильнее всего припекает, около полудня, — рассказывает древнегреческий географ и историк Страбон, — ящерицы и змеи не успевают пересечь улиц в городе, а посреди дороги сгорают... Холодная вода для купанья, выставленная на солнце, тотчас нагревается, а рассыпанные на открытом для солнца месте ячменные зерна начинают прыгать, как зерна в сушильных печах».

Из-за этой жары жителям приходилось покрывать крыши толстым слоем земли, чтобы укрыться от солнца.

Кир, выросший в холодной гористой Мидии, не выносил этой жары и на лето переезжал в Пасаргады, а чаще всего в город своего детства — Экбатаны, где по-прежнему за семью стенами стоял царский дворец.

Три года после войны с Астиагом Кир занимался устройством своего государства. Он объединял вокруг себя мидийские провинции, старался договариваться с ними мирно, убеждал, что, объединившись, они все будут сильнее и защищеннее. Ему часто это удавалось. А когда не удавалось, он шел с войском и покорял несговорчивые племена.

Так, исподволь, готовился Кир к большой войне, к большим завоеваниям — к походу на Вавилон, который исстари грозил его родине войной и разорением.

Попытался он договориться и с эллинскими колониями, лежавшими на цветущем берегу беспокойного Эгейского моря. Эллы платили дань лидийскому царю Крезу, но жили в своих городах независимо.

Этот берег достался эллинам ценой войн и жестокости. Здесь раньше жили карийские племена — кары, лелеги... Жили тут и переселенцы с острова Крит, которых приняли к себе карийцы. И еще много разных племен, смешавшихся с карийцами.

Но приплыли из Афин ионяне и завоевали большой карийский город Милет. Они убили всех мужчин, а потом женились на их женах и дочерях и остались в Милете. Говорят, что милетские женщины не простили им этого. Они поклялись сами и передали эту клятву дочерям: никогда не сидеть за одним столом с мужьями и никогда не называть их по имени за то, что они сделали в Милете.

Теперь, когда Кир обратился к Ионийскому союзу двенадцати эллинских городов и предложил им отложиться от Креза и перейти на его сторону, на это согласился только один Милет.

Кир заключил с Милетом договор, а против остальных ионийских городов объявил войну.

За всеми действиями Кира с большой тревогой следил царь Лидии Крез. Он видел, как набирает военную силу Кир, как растет его держава. Кир еще не трогал его владений и не объявлял ему войны, но он захватывал земли, граничащие с Лидией. Кто поручится, что он завтра не перешагнет и лидийскую границу? Границей Лидийского царства была река Галис. Эта река начиналась в горах Армении и пересекала почти всю Азию. И древние историки и географы обычно так и говорили: «По ту сторону Галиса» или: «По эту сторону Галиса».

Теперь эта река называется Кызыл-Йармак, что значит «Красная вода». У нее и в самом деле вода красноватая, потому что в горах она размывает каменную соль и красные мергелинские

глины.

Древние греки называли ее Халис, что значит «солончак». Красноватые воды Галиса текли среди земель, на которых было много солончаков. Солончаки сверкали резкой белизной на серых пустынных берегах.

По ту сторону Галиса начинались богатые плодородные долины Лидии. Щедрые урожаями пашни и сады, цветущие травами пастбища, изобилие озер и рек, изобилие жаркого солнца...

Лидийский царь Крез славился своим могуществом и богатством. Его отец Алиатт царствовал долго и много воевал. Крез после его смерти продолжал воевать и захватывать близлежащие земли. Вся страна к западу от Каппадокии была подвластна ему — мисяне, пафлагонцы, вифиняне, карийцы. Многие племена эллинов, поселившихся на азиатском берегу голубого Эгейского моря, платили ему дань. Поэтому и называли тогда Креза «Владыкой племен».

Столица Лидии — Сарды гордилась своим великолепием и неприступностью хорошо укрепленного кремля. Над Сардами сияла снежная вершина Тмола. Ее склоны, богатые лесами и пастбищами, наполняли город свежим дыханием сосны и бука. Река Пактол, бегущая с Тмола, приносила в Сарды обилие прозрачной воды. Пактол усердно размывала в горах золотую жилу и, будто служа Крезу, несла в его казну золотой песок.

Но не только золото Тмола обогащало Креза. Лидийское царство лежало на большом торговом пути между Западом и Востоком. Этот путь был более безопасен, чем морской, и поэтому здесь один за другим шли груженные разными товарами караваны.

Лидия торговала и с Западом, и с Востоком, и даже с греческими государствами — теми, что лежали в Малой Азии, и теми, что были в Европе.

Эта торговля так обогатила Креза, что богатство его вошло в поговорку, и когда в других азиатских странах еще не знали денег, в Лидии уже чеканили монеты.

Под Сардами далеко вокруг расстилалась цветущая равнина, полная красоты и спокойствия. Возделанные поля, оливы, виноградники приносили свои солнечные плоды. Были здесь и плантации морены, которой красили шерсть, а краска эта не уступала пурпуру и кошенили.

Реки, бегущие с гор, орошали равнину. Весной их разлив был так широк, что пришлось в сорока стадиях [6] от Сард выкопать водоем для сбора полых вод. Так искусственно было создано круглое озеро Коло. Там, вокруг озера, в безмолвии гор и воды стояли могильные курганы лидийских царей — земляные холмы на круглых каменных основаниях. И самый высокий курган был могилой царя Алиатта.

ГОСТЬ КРЕЗА

Дворец Креза часто шумел пирами и был открыт для званых и незваных гостей. Странники и путешественники, проходя через Лидию, не миновали Сард.

И вот что рассказал об одном из гостей царя Креза Геродот.

Однажды во дворец Креза зашел странствующий эллин, афинский законодатель Солон.

Крез принял гостя радушно. Три дня пировали во дворце, три дня звенели золотые чаши, звучали флейты и кифары, прославляя мудрость и отвагу царя Креза.

Кифаредам было о чем петь. Они славили царя Креза как могли.

...Царь Крез, лидянин, первый азиат из царей-варваров, покорил племена эллинов — тех, что жили на азиатском берегу, — и заставил их платить дань. Эллинские боги не помогли им. Стоит вспомнить Эфес. Жители его построили такой красивый храм своей богине Артемиде и как просили они богиню защитить их от Креза! Они протянули от храма веревку к городской стене, — так, считали они, богине легче защитить их! А Эфес после недолгих битв стал данником царя Креза.

...Царь Крез, лидянин, азиат, первый из царей-варваров, приобрел дружбу Спарты — племени, грозного своей военной доблестью. Он купил их золотом!

...Царь Крез, лидянин, азиат, единственный из царей-варваров, стал любимцем эллинского прорицалища в Дельфах благодаря своим богатым дарам. А Дельфы нередко вершили судьбы не только царей, но и народов.

Царь слушал, как прославляют его кифареды, а сам украдкой поглядывал на эллинского гостя. Что думает афинянин? Постигает ли он величие лидийского царя? Понесет ли он славу о нем в другие страны и свое отечество — Афины?

Но эллин был спокоен, любезен и равнодушен. Привыкший к воздержанию, он пил «лягушатник» — вино, на три четверти разбавленное водой, ел умеренно, вежливо слушал, как певцы восхваляют Креза. И ничто не волновало его.

На четвертый день Крез предложил Солону посмотреть царские сокровищницы.

Царь приказал провести его по всему дворцу, открыть кладовые, полные золота и драгоценностей.

И когда Солон осмотрел все, что ему показали, Крез пригласил его к себе.

— О твоей мудрости и о твоих путешествиях, любезный афинянин, до нас доходит громкая молва, — сказал Крез. — Из жажды к знанию и из любопытства ты посетил многие земли. А потому я желал бы спросить тебя: видел ли ты уже самого счастливого человека?

Крез, спрашивая это, самодовольно улыбался. Он был уверен, что счастливейший человек — это и есть он сам.

Но Солон ответил:

— Да, видел. Афинянина Телла, царь.

Крез изумился.

— Почему же ты считаешь Телла самым счастливым?

— Вот почему, — ответил Солон. — Во-первых, потому, что его родные Афины были счастливы и благополучны. Во-вторых, потому, что у него были прекрасные дети и внуки. В-третьих, потому, что кончил он свои дни славной смертью. Во время сражения при Элевсине, он помог афинянам обратить врагов в бегство и сам погиб в бою. Афиняне похоронили его на том самом месте, где он пал, и почтили высокими почестями.

Крез внимательно выслушал его. И снова спросил:

— А кого же ты считаешь самым счастливым после Телла?

Крез был уверен, что уж теперь-то Солон назовет его имя.

Но Солон ответил:

— Клеобиса и Битона, царь. Эти юноши были так сильны, что оба вышли победителями на Олимпийских состязаниях. И умерли славной смертью.

Однажды в праздник аргивянской Геры мать Клеобиса и Битона обязательно должна была приехать в храм богини. Но волы не подросли вовремя с поля, а надо было торопиться. Тогда юноши наложили на себя ярмо и потащили повозку к храму. Мать сидела в повозке.

Аргивяне, пришедшие на праздник, прославляли юношей. Прославляли они и мать — за то, что вырастила таких добрых детей. Сама же мать, восхищенная поступком своих сыновей и доставшейся ей на долю славой, молила богиню, чтобы она даровала Клеобису и Битону наилучшую человеческую участь.

После этого они принесли жертву богине. И со всеми вместе сели за праздничную трапезу. Потом юноши Клеобис и Битон уснули в том самом храме и больше не проснулись. Так умерли они в чести и в славе.

Аргивяне сделали их статуи и пожертвовали их Дельфийскому святилищу. И теперь их все чтят как достойнейших людей.

Тогда Крез воскликнул с досадой:

— Неужели же, любезный афинянин, ты ни во что не ставишь мое счастье и меня считаешь ниже простых людей?

— Судьбы людей и народов изменчивы, — ответил Солон, не теряя спокойствия, — а ты меня спрашиваешь о человеческом счастье. Ты, Крез, конечно, очень богат и царствуешь над многими народами. Но назвать тебя счастливым я могу не раньше, как узнаю, что век свой ты кончил счастливо. Во всяком деле следует смотреть в его конец. Многих людей божество ласкало надеждой счастья, а потом ниспровергало их!

Крез посмотрел на Солона и с пренебрежением отвернулся. Его гость просто глупый человек. А как иначе назовешь того, кто не обращает внимания на настоящие блага жизни — на богатство, на власть, — а думает о том, чем эта жизнь кончится? Удивительно, что такому недалекому человеку, как Солон, афиняне поручили устанавливать законы!

Он отпустил эллина. И Солон в тот же день покинул Сарды.

СЫНОВЬЯ

Афинянин ушел. Его речи больше не смущали Креза. Однако в душе осталась смутная тревога. Судьбы людей и народов изменчивы!

Крез старался отогнать эти мысли. Что же может ему грозить? Лидия сильна и богата. Пактол не устает нести ему золотой песок. Сам Крез еще крепок и отважен. И род его не иссякнет — у него есть сыновья.

Но тут сердце Креза охватила тайная и уже привычная печаль.

Один из его сыновей — калека, глухонемой. Он не помощник отцу, не наследник царства. Крез всячески старался вылечить его, но ничто не помогало. Он посылал спросить оракула, что надо сделать, чтобы сын его стал слышать и говорить?

И пифия ответила:

— Лидянин родом, царь многих народов, не в меру простодушный Крез, не желай слышать в доме речей твоего неговорящего сына, речей, которые ты так жаждешь слышать; гораздо лучше оставаться ему глухонемым, так как впервые он заговорит в роковой для тебя день.

Теперь этот несчастный безмолвной тенью бродит по дому, стараясь не показываться на глаза отцу. И пусть не показывается, пусть не напоминает о том, что и Крез не во всем счастлив...

Но у Креза есть другой сын, Атис, первый красавец, первый смельчак, первый воин во всей Лидии.

Атис — его гордость, его надежда, продолжатель его славного рода Мермнадов!

Однако тоска и беспокойство не оставляли Креза. Слова Солона не выходили из головы:

»...смотри в конец жизни. Ибо человек очень богатый ничуть не счастливее того, который имеет лишь насущный хлеб, если только первому не суждено, имея все блага, счастливо кончить дни свои...»

В ту же ночь в тяжелом сне Крезу явился зловецкий призрак.

«Твой сын погибнет от железного копья», — сказал он.

У Креза замерло сердце:

«Но... не Атис?»

«Атис. Атис. Атис».

Крез проснулся в ужасе. Это было предупреждением о грядущей беде. Как избежать этой беды? Как защитить любимого сына?

Прежде всего, Крез решил не отпускать Атиса в военные походы, хотя Атис всегда становился во главе лидийского войска.

Все оружие Крез велел унести из дворцовых покоев в дальнюю кладовую, чтобы какое-нибудь копье или дротик, упав случайно со стены, не поранило его сына.

А чтобы Атис не тосковал, сидя дома, Крез решил женить его.

В то время как шумели весельем свадебные торжества, во дворец Креза вошел неизвестный человек. Он был молод, но грустен и сумрачен.

Крез приветливо принял его.

— Кто ты, странник? — спросил он. — Откуда пришел ты к моему очагу?

— Царь, — низко склоняясь перед Крезом, ответил гость. — Имя мое — Адраст. Я сын фригийского царя Гордия. Но... Я совершил преступление. Я — убийца.

— Кого же ты убил?

— Я убил своего родного брата. Я нечаянно его убил. Отец изгнал меня и лишил всего. Я прошу тебя, царь, очисти меня от преступления и дай мне приют!

Крез ответил, не задумываясь:

— Ты сын друзей наших и пришел к друзьям. В нашем доме ты ни в чем не будешь нуждаться. Переноси терпеливо свое несчастье, и это испкупит твою вину.

И когда кончились свадебные торжества, Крез, по обычаям своей страны, совершил над Адрастом обряд очищения. Он принес в жертву богам козленка и его еще теплой кровью омыл руки Адрасту. Этим он снял с Адраста тяжесть и позор его преступления. И Адраст остался в доме Креза как самый преданный и признательный друг.

Светлый, праздничный покой наступил в жизни Креза. Атис был счастлив со своей молодой женой. Покоренные народы исправно платили дань. Никакие враги не грозили Лидии. Прозрачная Пактол щедро несла свои золотые дары...

И Крез снова почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

В это время в соседней стране Мисии, на мисийском Олимпе, появился свирепый вепрь. Он спускался с горы и опустошал мисийские поля — вытапывал ячмень и виноградники, пожирая плоды.

Много раз мисяне пытались убить вепря. Но это оказалось им не под силу. Их дротики не причиняли зверю никакого вреда.

А вепрь еще и сам нападал на людей, и они в ужасе убегали от его страшных клыков.

Потеряв терпение, мисяне пришли просить помощи к царю * Крезу.

— Царь, — сказали посланцы мисян, — мы к тебе с просьбою. В нашей земле появился огромный вепрь. Он опустошает наши поля. А мы никак не можем одолеть его. Просим тебя, пошли к нам своего сына с отрядом лучших бойцов. И пусть они убьют вепря или прогонят его с нашей земли.

Крез уже готов был согласиться и хотел позвать Атиса. Но тут же вспомнил о страшном привидении, которое явилось ему.

— О сыне моем больше и не вспоминайте, — сказал он. — Я его не пошлю к вам. Он недавно женился и пусть сидит дома. Однако я постараюсь помочь вам. Я дам вам отряд моих лучших воинов и всех моих охотничьих собак.

Мисяне были довольны. Они поблагодарили царя и собрались уходить.

Но в это время явился Атис. Он стоял за занавесью в соседнем зале и слышал, что ответил отец мисянам.

— Отец мой! — сказал Атис с волнением и обидой. — Прежде лучшим и благороднейшим моим занятием было ходить на войну, охотиться и добывать славу. Теперь ты удерживаешь меня и от войны, и от охоты. Тебя не заботит, что твоего сына могут обвинить в трусости? Какими глазами глядеть мне на людей? Что станут думать обо мне? Что скажет моя молодая жена? Или отпусти меня на охоту, или докажи мне, что, удерживая меня, ты поступаешь правильно!

— Сын мой! — ответил Крез. — Я поступаю так, дитя мое, вовсе не из равнодушия к тому, что о тебе будут думать люди. Но мне явился призрак и сказал, что ты умрешь от железного копья. Вот я и удерживаю тебя. Ведь ты единственный сын у меня. О другом сыне, лишенном слуха и языка, я говорить не хочу.

Атис пожал плечами, усмехнулся.

— Я понимаю, отец, что после такого сновидения ты вправе оберегать меня. Но осмелюсь

сказать тебе: ты неверно истолковал этот сон. Призрак предсказал мне смерть от железного копья. А разве у вепря есть руки, чтобы держать железное копье? Если бы тебе было сказано, что я умру от клыков, тогда бы ты должен был бояться за меня. Но призрак сказал: от копья. Поэтому отпусти меня, ведь не с людьми мы идем сражаться!

Крез подумал и согласился. Атис убедил его.

Атис тотчас приказал созвать своих соратников, отважных юношей, с которыми он всегда ходил и на войну, и на охоту. Шум веселых голосов, звон оружия, лай собак наполнили царский двор.

А Крез тем временем потихоньку позвал к себе Адраста.

— Когда несчастье постигло тебя, Адраст, я не укорял тебя, но очистил от преступления и приютил в своем доме. Так заплати мне добром за добро: прошу тебя, побереги моего сына. Как бы по дороге не напали на него разбойники и не причинили бы ему какой беды!

— Я бы не поехал на охоту, — ответил Адраст, — если бы не был тебе так обязан. В моем несчастье тяжело мне быть в кругу счастливых сверстников. Но я готов сделать все, чтобы отплатить добром за добро. Будь спокоен, твой сын, которого ты мне поручаешь, вернется невредимым. Я буду охранять его.

И Адраст, взяв копье, присоединился к отряду Атиса.

Отряд юношей с Атисом во главе отправился в Мисию. Свора собак сопровождала их.

Мисяне, тоже вооруженные, дружески встретили их, и все вместе они пошли на гору. Тут на склонах, заросших буком, они отыскивали вепря, окружили его кольцом и принялись метать в него копья...

И вдруг произошло страшное дело. Адраст тоже метнул копье. Он целился в зверя, но промахнулся и попал в Атиса.

Атис упал, сраженный насмерть.

Адраст первым бросился к нему, надеясь еще спасти его. Люди окружили Атиса, подняли его... А некоторые уже бежали к царю рассказать о том, что случилось.

Услышав о смерти сына, Крез пришел в исступление. Он кричал и рвал на себе одежды. Он жаловался богам, он взывал к Зевсу-очистителю, — как же это так, что убил его сына тот самый человек, которого он защитил и принял в свой дом и отпустил с ним сына, как с хранителем его, а нашел в нем ненавистного врага?!

В это время пришли молодые воины с телом его сына на руках. Позади них шел убийца.

Тело Атиса положили на землю у ног Креза. Адраст стал перед убитым и протянул руки в знак покорности.

— Я отдаю тебе свою жизнь, царь, — сказал он, — Прошу об одном; убей меня возле праха твоего сына. Я родился несчастным — я убил своего брата. А теперь поверг в несчастье и того, кто мне сделал столько добра. Убей меня — мне нельзя жить!

— Ты признал себя виновным, чужеземец, — глухим от горя голосом ответил Крез. — И мне от тебя ничего не нужно. Не ты виноват. Так хотело какое-то божество. Только уйди с моих глаз, чтобы я никогда тебя больше не видел.

Хоронили царского сына с большими почестями. Омытое, роскошно одетое тело Атиса

положили на катафалк. Плач женщин не умолкал с утра до вечера, казалось, все Сарды кричат и плачут, прощаясь с любимым сыном царя.

Потом, как велит обычай, молодые друзья и товарищи Атиса подняли его и возложили на костер. В огненную могилу его положили всё, что ему нужно было при жизни, — утварь, дорогие одежды, украшения, оружие... Ввели на костер и его любимого коня. Кровь животных, приносимых в жертву, обливала алтари. Обильно лились в огонь жертвенников жертвенные масло и вино.

Когда погребальный костер догорел, остатки его залили вином. Кости Атиса взяли из золы, обернули их полотном, положили в урну и похоронили. Еще один высокий конусообразный холм поднялся около озера Коло, рядом с могилами лидийских царей.

А ночью, когда люди разошлись по домам и в Сардах наступила тишина, к могиле Атиса пришел Адраст. Здесь, на могильном холме, он умер, покончив с собой.

Тяжелая скорбь вошла в дом царя Креза и надолго поселилась в нем. Ни пиров, ни кифар, ни дифирамбов. Безрадостным грузом лежали сокровища в кладовых. Безучастный ко всему, в тоске и молчании проводил царь дни, месяцы, годы...

ИСПЫТАНИЕ БОГОВ

Вот теперь-то, к концу второго траурного года, Крез и услышал о том, что происходит за рекой Галисом. А происходило что-то непонятное, грозящее большой бедой. Молодой перс Кир, внук Астиага, восстал против Мидии, покорил ее и взял в плен своего родного деда. Астиаг был родственником Креза, за ним замужем была его сестра...

Но не это было главной причиной его тревоги. Креза тревожило усиление Персидского царства. Власть и военная сила Кира растут... Что будет дальше? Он может со своими полчищами перейти Галис. Надо вовремя остановить его. Нет в Азия войска сильнее лидийского. Ни у кого нет такой конницы, как у царя Креза, и таких длинных копий, как у его копейщиков. Он разобьет дерзкого Кира, он усмирит его! Он отомстит за Астиага!

Месть за Астиага была для Креза предлогом, чтобы вступить в войну. Он втайне уже прикидывал, какие земли еще захватит в этой войне, какие племена ограбит и заставит платить дань. У него давно таились замыслы захватить Каппадокию, а проще всего это сделать во время войны. Но прежде чем вступить в войну, надо посоветоваться с оракулом. Только к какому оракулу обратиться, чтобы не получить лживого совета?

Желая проверить, насколько пифии прозорливы и умеют угадывать правду, Крез отправил посланцев к разным оракулам. Одни посланцы направились в Ливию, к Аммону Ливийскому; другие — в Фокидские Абы; третьи — к Додону, а четвертые — к Амфиараю и Трофонию. Пошли его посланцы и в главное эллинское святилище — в Дельфы.

Крез решил испытать богов. Если какой-нибудь из этих оракулов угадает, что он задумал, — к тому из них он и обратится за советом: выступать ему войной против Кира или постараться избежать этой войны?

Посланцам своим Крез приказал:

— Как выйдете из Сард, ведите счет дням. В сотый день вы все обратитесь к оракулам с вопросом: «Что делает сейчас лидийский царь Крез, сын Алиатта?» Тут же запишите их ответы и немедленно возвращайтесь домой.

Через положенное время посланцы возвратились с ответами оракулов. Крез принялся внимательно просматривать записи. И одну за другой откладывал их с иронической усмешкой. Ни Амфиарай, ни Додон, ни фокидский оракул не угадали правды. Даже Аммон. Ливийский не узнал ее...

А Дельфы? Что скажет прославленный эллинский оракул бога Аполлона, сына самого Зевса?

«Я знаю количество песка и меру моря, я постигаю мысли глухонемого и слышу безгласного. Ко мне дошел запах крепким щитом защищенной черепахи, она варится в медном сосуде вместе с мясом ягненка. Медь положена снизу, и медь положена сверху».

Крез был ошеломлен. Еще и еще раз перечитал он дельфийскую запись. Да, дельфийский оракул — это оракул всевидящий и всезнающий. Это оракул, который общается с богами, и боги открывают ему все! Ведь он, Крез, действительно на сотый день, как ушли посланцы, изрубил черепаху и варил ее вместе с ягненком в медном котле. Как можно было предвидеть и угадать то, что он придумал?

Доверчивый царь забыл, что, задумывая это, он поделился своим замыслом с близкими его дому людьми. И не знал, что тайна его ушла в Дельфы вместе с его посланцем!

И теперь Крез, полный благоговения, принес дельфийскому божеству обильные жертвы — стада быков, овец и коз. В каждом стаде было по три тысячи голов. Он приказал соорудить огромный костер и жечь на нем, чтобы умилостивить бога, позолоченные и посеребренные лежа, бросал в огонь золотые чаши, пурпурные плащи и хитоны... Крез приносил жертвы сам и велел всем лидянам принести в жертву эллинскому божеству кто сколько может, хотя лидяне поклонялись только солнцу и огню.

После этих жертвоприношений царь Крез велел переплавить огромное количество золота и сделать из него литые кирпичи. Таких золотых кирпичей получилось сто семнадцать — каждый в шесть ладоней длины, в три ладони ширины и в ладонь высоты. Кроме того, он велел сделать из золота изображение льва. И все это богатство он отправил в Дельфы.

Сверх всего Крез послал в Дельфы две большие вазы — золотую и серебряную — необыкновенной красоты; две кропильницы — золотую и серебряную. И много других вещей из золота и серебра. Так старался он умилостивить божество, которое может дать правильный ответ на его вопрос: «Начинать ли ему войну с персами? Одному ли выступать против Кира или объединиться с кем-нибудь?»

Лидяне привезли в Дельфы дары Креза. И, следуя его наставлениям, обратились к жрецам:

— Царь лидян и прочих народов Крез, почитая этот оракул единственным у людей, присылает вам дары, достойные ваших изречений. И спрашивает вас: вести ли ему войну с персами и не соединиться ли ему с каким-нибудь войском?

Пифия ответила так:

— Если Крез предпримет войну, то он сокрушит обширное царство. Надо найти могущественнейших эллинов и заключить с ними союз.

Крез остался доволен этим ответом.

— Разве не ясно? Сокрушить обширное царство — значит сокрушить царство Кира!

И он снова отправил посланцев в Дельфы и одарил золотом всех, кто был в святилище. В благодарность за это дельфийцы даровали Крезу и всем лидянам на вечные времена преимущество перед «всеми вопрошающими, освободили их от дани, отдали им первые места на всех общественных празднествах. И предоставили право каждому лидянину сделаться дельфийским гражданином, если он того пожелает, хотя они были варвары и не принадлежали к эллинам. Золото многое вершило в святилищах и с древние времена.

После этого Крез в третий раз отправил посланцев в Дельфы спросить богов:

— Долговечна ли власть лидийского царя Креза?

На этот раз пифия ответила как-то уклончиво:

— Когда мул воцарится над лидянами, тогда, слабоногий лидянин, беги к каменистому Герму, не останавливаясь и не стыдись прослыть трусом!

Прочитав этот ответ, Крез обрадовался и успокоился.

Мул вместо человека никогда не будет царем лидян. А следовательно, ни сам Крез, ни его дети никогда не потеряют своего царства.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Теперь Крез стал готовиться к войне с персами. Но с кем из могущественных эллинов надо ему войти в союз?

Проведав, что в Элладе самым сильным народом стали спартанцы, Крез отправил в Спарту своих послов. И, как было у него в обычае, велел взять дорогие подарки для царей, которых в Спарте всегда было двое.

— Послал нас Крез, царь лидян и прочих народов! — с такою речью обратились послы Креза к царям Лаконики. — «Так как божество повелело мне вступить в дружбу с эллинами, а я знаю, что вам принадлежит первенство в Элладе, то, согласно изречению оракула, обращаюсь к вам, желая быть с вами в дружбе и союзе без хитрости и обмана».

Спартанцы обрадовались такому предложению. Крез уже однажды оказал им услугу. Когда они посылали в Сарды, чтобы купить золота для статуи Аполлона, Крез не продал им это золото, но подарил.

Кроме того, спартанцам было лестно, что именно к ним, а не к другим эллинам обратился Крез, предлагая дружбу и союз. Они тотчас этот союз заключили. И, желая отблагодарить Креза, они сделали для него огромную медную чашу с украшениями по краям.

Однако эта чаша так и не попала в Сарды. Пока путешествовали туда и обратно послы Креза, Лидия уже была готова к войне. Крез твердо верил в предсказанную ему победу. Не дождавшись ответа от Спарты, он отдал войскам приказ собираться в поход против Кира.

В это время к нему пришел старый лидийский мудрец Санданид.

— Ты, царь, готовишься в поход на людей, которые носят кожаные штаны, — сказал он, — и вся одежда у них из кожи. И живут они в земле суровой. И едят не досыта. Если ты и победишь их, то что возьмешь с такого народа? А если будешь побежден, потеряешь много: увидев наши богатства, они не захотят отказаться от них и будут добиваться их неотступно. Я

благодарю богов за то, что они не внушают персам мысли воевать с лидянами!

Но Крез не принял его речей. Если всезнающий оракул предсказал победу, зачем же Крезу отказываться от войны? Возмущение и негодование против Кира не давали Крезу спать по ночам. Слишком долго Крез бездействовал, слишком долго народы Азии не слышали его властного голоса, не слышали звона оружия его войск и топота его конницы. И вот теперь дерзкий и ничтожный сын перса Камбиза осмелился свергнуть царя Астиага, взять его в плен и захватить Мидию!

Крез жестоко накажет его. Он перейдет Галис, захватит Каппадокию и доберется до Кира. Не было и нет народа в Азии, который смог бы сопротивляться лидийскому царю!

Крезу в то время было около пятидесяти лет. Горе сильно состарило его, но, выступив в поход, царь расправил плечи и высоко поднял голову. Он сам вел войска. И всё было как прежде — стройная конница, сверкающий лес копий, пехота, оцетинившаяся стрелами. Только не было рядом сына, его Атиса...

Войска Креза шли без помех до самого Галиса. На берегу реки они остановились. Крез не знал, что делать. Перейти реку невозможно, она глубока. А мостов нет. В разноплеменном войске Креза нашелся один хитроумный эллин — Фалес из Милета.

— Надо вырыть позади лагеря глубокий ров, — посоветовал он Крезу. — Вода схлынет в этот ров, река обмелеет, и мы перейдем реку.

Совет был хорош. Вскоре глубокий ров обогнул полумесяцем лагерь. Река хлынула в ров, красный полукруг воды засветился среди серых песков. Река прошла позади лагеря. И дальше снова влилась в свое русло. А перед лагерем она сильно обмелела, и войска Креза спокойно перешли через нее.

Перейдя Галис, Крез со своим войском вступил в Каппадокию, страну, лежавшую у Понта Евксинского, и занял крепость Птерию. Птерия была самой сильной крепостью этой страны, и стояла она вблизи Синопы, почти у самого моря. Здесь Крез и расположил свой лагерь.

По обычаям тех времен, Крез, захватив Птерию, тотчас обратил жителей в рабство. Отсюда он начал захватывать и другие города Каппадокии и поработать жителей. Мирные племена почти не сопротивлялись. Они не собирались воевать, они не были готовы к войне. Они ничем не досадили лидийскому царю и не ожидали нападения.

По городам и селам вспыхнули пожары. Горький, тяжелый дым разорения и несчастья потянулся над разрушенными жилищами и вытоптаннами полями. Горели прекрасные корабельные леса, гибли плантации маслин. Солдаты угоняли стада, резали тонкорунных овец, каких нет нигде больше во всей Азии... Жители, спасаясь от рабства и смерти, бежали в леса, в горы. Но трудно было спастись от вооруженных стрелами и копьями отрядов лидийских солдат, привыкших к войнам.

А с востока между тем уже двигались к Птерии полки персидского царя. Войско Кира было огромно. Персы, мидяне и все подвластные ему и живущие по пути его шествия народы влились в его отряды.

И вот настал день, когда два сильнейших войска сошлись в битве. Они сражались ожесточенно, не уступая друг другу. Крез приходил в ярость, видя, что не может сразу разбить Кира, что не может вообще разбить его. А Кир, полный решимости сломить самое

сильное в Азии лидийское войско, не уступал в битве. Земля дымилась от крови, трупы лежали по всей равнине. Победы не было ни на той, ни на другой стороне.

Только ночью, когда уже нельзя было различить, кто чужой, кто свой, и когда люди, оставшиеся в живых, уже изнемогали от усталости, солдаты разошлись по своим лагерям.

Крез, закрывшись в крепости Птериис, всю ночь сидел в тяжелом раздумье. Он не победил Кира! Оказалось, что у Кира войска гораздо больше, чем у него, Креза. И оказалось, что этот презренный перс умеет сражаться не хуже, чем он сам, опытный и всегда удачливый военачальник.

— Все начать сызнова, — решил Крез.

И когда чуть забрезжила утренняя заря и чистая белая звезда повисла над горизонтом, Крез отдал приказ своим войскам возвращаться в Сарды.

— Все начать сызнова!

Прежде чем вступить в новую битву, Крез призовет союзников — египетского царя Амасиса, спартанцев. Заключит союз с Набонидом, вавилонским царем. И вот тогда, собрав такое войско, которое можно противопоставить войску Кира, он, как только начнется весна, снова вступит с ним в бой.

С этим решением Крез возвратился в Сарды. И, не собираясь воевать до весны, распустил все свое наемное войско. Ведь не посмеет же Кир напасть на него теперь, когда увидел, что Крез не уступает ему в могуществе!

Киру вскоре стало известно, что Крез распустил своих наемников.

Известно стало и то, что он послал глашатаев к своим союзникам, чтобы собрать огромную военную силу...

И прежде чем Крез успел встревожиться, Кир со всем войском уже стоял под Сардами.

Крез пришел в сильное замешательство. Этого он не ожидал. Кир спутал все его планы и расчеты.

Но война ему объявлена. И Крез, поспешно собрав отряды лидян, выступил навстречу Киру.

БИТВА ПОД САРДАМИ

Оба войска встретились под Сардами на большой равнине. Эта цветущая равнина стала полем битвы.

Молодой Кир шел твердой поступью дорогой своих побед. До этого дня он никого не боялся.

Но вот сегодня, увидев перед собой ряды лидийской конницы, грозно ощерившиеся сверкающими копьями, он впервые в жизни содрогнулся. Эта конница сомнет, затопчет копытами его пешее войско, длинные копья лидян опрокинут его вооруженных дротиками и мечами солдат..... У Кира тоже есть конница, но ее мало. У его солдат тоже есть копья, но

лидийские копья длиннее.

Однако у Кира был старый, опытный советчик, его неизменный друг и полководец Гарпаг. Он во всех битвах сражался рядом со своим молодым царем с того самого дня, как перешел к нему от Астиага.

За войском Кира следовал караван верблюдов, нагруженных водой и хлебом.

— Освободи верблюдов от их ноши, — сказал Гарпаг, — посади на них людей, вооружи их оружием всадников и пусти их впереди своего пешего войска. Лошади боятся верблюдов и не выносят их запаха.

Кир так и сделал. И когда его солдаты были готовы к наступлению, Кир, раздраженный сопротивлением Креза и тем чувством страха, которое лидяне заставили его пережить, обратился к своему войску с такой речью:

— Будьте беспощадны! Убивайте каждого, кто попадет вам в руки. В плен не брать никого. Только оставьте в живых царя Креза. Даже если он станет защищаться, все-таки оставьте его в живых!

Все случилось так, как предвидел старый мидянин. Лишь только верблюды с фырканием приблизились к лидийской коннице, лошади, завидев их и почуяв их невыносимый запах, повернули назад и, не подчиняясь всадникам, смешали ряды.

Лидяне соскочили с коней и пешими продолжали битву. Много убитых полегло в прекрасной долине. Но персы одолевали. Видя, что выстоять перед ними невозможно, лидяне отступили в Сарды. И закрылись там.

Войска Кира окружили Сарды. Крезу с его крепостных стен было далеко видно. И куда бы он ни поглядел, всюду полчища чужеземных солдат в островерхих колпаках, в грубых плащах, в толстых кожаных латах, всюду их костры, сверкание их оружия, их кони, их верблюды...

Осада. Плотная, неотступная, грозная, готовая стоять всю зиму, а если надо, то и весну, и лето, и осень... Крез понимал, что надежды спастись нет: этот враг не уйдет, не отступит.

Крез успел послать вестников к союзникам с призывом прийти к нему на помощь немедленно.

Вестники Креза явились к спартамцам. Но Спарта в это время воевала сама. Аргонида, у которой Спарта захватила Фиреи, поднялась, чтобы вернуть свою землю. Война у них шла нелегкая.

Однако спартанские цари, выслушав лидийского глашатая, стали тотчас готовиться к походу на помощь Крезу.

А когда приготовления были закончены и корабли снаряжены, в Спарту пришло известие, что крепость Сарды пала и лидийский царь Крез в плену.

«СОЛОН! СОЛОН! СОЛОН!»

Кир не легко взял Сарды. Его солдаты много раз бросались на приступ, пытались ворваться в крепость. Но крепость эта стояла на отвесной скале сама, как скала.

Тринадцать дней длилась осада. Все больше разгорались яростью персы. Их стрелы смертоносным дождем сыпались на Сарды. Они снова и снова шли на приступ — и снова отступали, ничего не достигнув.

Молодой царь, сдвинув в одну линию свои черные брови, подолгу глядел вверх, на высокий город, будто огромное каменное гнездо, прилепившееся на крутом склоне Тмола.

Что делать? Что придумать? Надо торопиться. Крез ждет союзников, и эти союзники придут.

Пропахший пылью и потом в своем панцире и кожаных штанах, одетый почти так же, как любой его солдат, Кир то метался как тигр по широкой равнине вокруг крепости, то советовался с Гарпагом в тишине своего шатра, то опять глядел вверх на Сарды, и думал, и прикидывал... И снова посылал на приступ свои отряды.

На четырнадцатый день Кир потерял терпение. Он разослал вестников по всему лагерю:

— Кто первый взойдет на укрепление, тому будет царская награда!

И опять его войско ринулось к стенам крепости. И опять ни с чем вернулось обратно.

Сарды были неприступны.

О Сардах в то время существовала такая легенда.

У одного из первых лидийских царей Мелета родился сын в образе льва.

Мелету было сказано:

— Обнеси этого льва вокруг стен, и Сарды навеки останутся неприступными.

Мелет так и сделал. Льва обнесли вокруг крепости. И лишь одно место, обращенное к Тмолу, миновали: там была высокая стена, а скала под ней отвесна, ни один неприятель никак не мог бы оттуда явиться.

Теперь легенда эта снова ожила, подтвердив роковую ошибку Мелета. О ней позже не раз горько вспоминали лидяне, потому что враг пробрался в крепость именно здесь, несмотря на высокие стены и отвесные скалы.

Но дело было не в легенде. Все обстояло проще, без вмешательства богов.

Однажды солдат Кира, по имени Гюроайд, нечаянно подсмотрел, как лидянин уронил сверху свой шлем. Думая, что его никто не видит, он по тайной тропинке спустился вниз, взял свой шлем и поднялся обратно в крепость. Это было как раз в том месте, которое считалось неприступным и никак не охранялось.

Хитрый Гюроайд дождался тьмы. Надеясь на царскую награду, он отважился подняться наверх по той самой тропке, по которой влезал лидянин. А вслед за Гюроайдом полезли другие солдаты. Не успели лидяне понять, что произошло, как в крепости уже было полно вражеских солдат и персы открывали ворота своему царю.

Лидяне защищались со всей силой отчаяния. Крез, как простой воин, бился с персами. Но битва уже была проиграна, и враги уже разоряли и жгли его прекрасные Сарды, камышовые крыши полыхали огнем, пламя охватило город...

Увидев это, Крез опустил копье. Он больше не хотел защищаться. Пусть придет смерть. Какой-то разъяренный битвой перс уже занес над ним свой короткий прямой меч...

И вдруг глухонемой сын Креза, сражавшийся рядом с отцом, закричал:

— Человек! Не убивай Креза!

Так сбылось предсказание пифии — несчастный немой юноша заговорил в момент горя и гибели.

Может, так это и было. Говорят, что в минуту страшного потрясения у немого человека может прорваться речь.

Но так это было или иначе, а Крез остался жив.

Утро над Сардами занялось в дыму пожаров, столах раненых, воплях женщин и плаче детей.

Кир, в грязи и крови после ночной битвы, измученный, но не чувствующий усталости, победоносной поступью ходил по улицам города. Свита его, такая же продымленная и усталая, сопровождала его, бряцая мечами и охраняя своими высокими овальными щитами молодого царя. Седой Гарпаг, как всегда мрачный и суровый, шагал с ним рядом. Победа веселила его сердце, но он уже давно, с молодых лет, привык при дворе царя Астиага прятать свои чувства.

Кир приказал потушить пожар. Ему в этом городе было все интересно. Его многое здесь поражало. Он еще никогда не видел таких богатых и красивых жилищ, таких одежд и утвари, которые тащили из домов лидян его солдаты. Волнуясь, с пылающими глазами, он вошел в роскошный дворец Креза: он еще не знал, что у людей могут быть такие сказочные чертоги. Он ходил из зала в залу, держась за свой меч — все-таки дворец-то был вражеский! — и любовался пурпурными занавесами, колоннами, золотыми сосудами странной формы, дивился нежным барельефам на стенах, сделанным из алебаstra, трогал мягкие ложа, на каких ему никогда не приходилось спать... И тонкая отравка изнеженности и обезоруживающей красоты, таившаяся в этом царском жилище, незаметно и коварно проникала в его неискушенную душу.

— Что будешь делать с Крезом, царь?

Суровый голос Гарпага мгновенно рассеял наваждение. Кир поспешно вышел из дворца.

— А что делали с пленными врагами великие цари?

— Убивали. Сажали на кол. Сжигали на костре.

Кир стиснул зубы и нахмурился. Битва кончилась, сияет ясный день, над головой серебрится. Тмол, быстрая Пактол с прозрачным блеском бежит через город... Все эти четырнадцать дней осады Кир ненавидел Креза. Он готов был своей рукой убить его. Но сегодня, когда он победил, а Крез в цепях и унижении... Кир с негодованием на самого себя почувствовал, что у него больше нет никакой ненависти к побежденному врагу.

Но все-таки он должен казнить Креза. Так поступали все великие цари.

— Я сожгу его на костре.

Гарпаг тотчас распорядился сложить на площади костер. Леса кругом было много, и костер сложили огромный. Для Кира приготовили место на возвышении, чтобы ему было видно, как взойдет на костер его враг. Вместе с Крезом должна была сгореть вся его семья и еще четырнадцать юношей из знатных лидийских семей.

Кир с неподвижным лицом сидел и ждал, когда приведут Креза.

Воины тесной толпой стояли вокруг него. Они любили Кира, они гордились им. Одни были благодарны Киру, что он освободил их из рабства и взял в свое войско. Другие разбогатели, служа в его победоносных войсках, и надеялись разбогатеть еще больше, грабя побежденных... И все они ценили его талант полководца — умного, отважного, быстрого в решениях. Они любили Кира и готовы были идти за ним всюду, куда бы он ни повел их.

За толпой солдат, за их копьями и высокими колпаками теснился народ, подавленный страхом и горем. Но вот толпа колыхнулась, раздалась, послышался плач... Солдаты вели на костер пленников.

Впереди шел Крез. Лязг цепей отмечал каждый его шаг. Седая голова была низко опущена.

Молча, с невидящими глазами и сжатым ртом шли за ним его жены, его последний сын, его родственники... И гордой, твердой походкой, как и подобает благородным воинам, шли на смерть молодые лидяне.

Они прошли мимо, не взглянув на Кира. Крез первым взошел на высокий костер, и тотчас по углам костра вспыхнуло рыжее пламя. День был жаркий, дрова сухие, и огонь быстро побежал по сучьям.

Услышав треск огня и увидев бегущее пламя, Крез вдруг поднял голову.

Глядя куда-то вдаль, выше всех голов, он простонал в глубоком отчаянии:

— О Солон! Солон! Солон!

Кир встрепенулся.

— Кого это он зовет?

Переводчики приступили с вопросами к Крезу. Но Крез не отвечал им. И лишь тогда, когда переводчики стали с угрозами требовать у него ответа, Крез сказал:

— Много бы я дал, чтобы тот, чье имя мною было названо, поговорил со всеми владыками!

Киру этот ответ был неясен.

И переводчики снова стали допрашивать Креза: кого он звал? О ком он говорит?

И тогда Крез, стоя на костре, рассказал, как некогда пришел к нему афинянин и, осмотрев его сожарища, ни во что их не поставил.

— Солон предсказал мне все, что со мной случилось. И не только ко мне это относилось, а вообще ко всем людям, которые считают себя счастливыми...

Кир, услышав эти слова, смутился. Он опустил глаза, и брови его сошлись в одну черную черту.

«Я, человек, предаю пламени другого человека... А ведь он считал себя таким же счастливым, как я сейчас считаю себя. Разве не может случиться того же со мною?»

— Потушите костер! — крикнул он, вскочив. — Сейчас же потушите костер! Освободите Креза! Освободите их всех!

Солдаты бросились гасить костер. Но пламя уже полыхало, и потушить костер было невозможно.

Тогда Крез стал с плачем громко упрекать Аполлона. Ведь столько жертв он принес в его святилище! Пусть теперь и Аполлон поможет Крезу и погасит разбушевавшийся костер.

Вдруг, словно по призыву Креза, неожиданно из-за горы надвинулась туча, разразилась гроза, хлынул ливень...

Костер погас.

«Это — знамение богов!» — со страхом подумал Кир.

И велел позвать к себе Креза.

Когда Крез, звеня цепями, сошел с костра и, несчастный пленник, с поникшей головой встал перед Киrom, Кир спросил его:

— Кто же, Крез, внушил тебе мысль идти войной на мои владения и стать моим врагом, а не другом?

— Я сделал это, царь, на счастье тебе и на горе себе, — ответил Крез. — А виновато в этом эллинское божество, подвигнувшее меня на войну. Какой же разумный человек предпочтет войну миру? Ведь во время мира сыновья хоронят своих отцов, а во время войны — отцы хоронят сыновей.

Слова Креза заставили Киру глубоко задуматься. Он велел снять с Креза оковы и посадил его рядом с собой. Но, к его удивлению и к удивлению всех окружающих, Креза это не обрадовало. Он оставался печальным и задумчивым.

Отвернувшись от Киры, он смотрел, как персы разоряют его любимые Сарды.

— Могу ли я тебе сказать, царь, — наконец спросил он, — или я должен молчать?

— Говори все, что желаешь, — ответил Кир.

Крез спросил:

— Эти солдаты — что они делают с таким рвением?

— Грабят твой город! — ответил Кир.

— Нет! — Крез покачал головой. — Не мой город разоряют они и не мои сокровища расхищают. У меня больше нет ничего. Расхищают они твоё достояние.

Кира поразили его слова. Он удалил всех присутствующих, оставил лишь Креза и переводчика, чтобы они могли понимать друг друга.

— Что дурного находишь ты в том, что происходит? — сказал Кир. — Ведь так было всегда — победители берут то, что завоевали.

— Боги сделали меня твоим рабом, — ответил Крез, — поэтому я считаю своим долгом объяснить тебе то, что постигаю лучше, чем другие люди. Персы — народ бедный. Если теперь ты позволишь им грабить и присваивать себе чужие богатства, то отсюда могут быть тяжёлые последствия: захвативший наибольшие богатства, восстанет потом против тебя. Поступи теперь так, как я скажу, если тебе угодно: поставь копьеносцев у всех ворот, пускай они отбирают сокровища у тех, кто будет выносить их. И пусть копьеносцы говорят им, что десятую часть всех богатств необходимо посвятить богу. Так ты не будешь отнимать у них награбленное силой и не восстановишь их против себя. Наоборот, они будут убеждены, что ты действуешь справедливо, и охотно отдадут взятое.

Кир внимательно выслушал Креза и приказал сделать все по его совету.

— Я вижу: ты, Крез, царственный муж, — сказал Кир, очень довольный. — Ты готов сделать и посоветовать доброе. За это проси у меня чего хочешь. Я сейчас же выполню твою просьбу!

Крез горько усмехнулся.

— Ты доставишь мне величайшее удовольствие, Кир, — сказал он, — если позволишь послать эти цепи божеству эллинов, которое я чтю больше всех божеств, и спросить его: таково ли его правило — обманывать тех, которые сделали ему столько благодеяний?!

— И это получишь от меня, Крез! И все, чего бы и когда бы ни пожелал!

И Кир тотчас отправил послов-лидян в Дельфы. Он велел положить на пороге храма цепи Креза и спросить: «Не стыдно ли божеству, что оно подвинуло своими советами Креза на войну с персами, обещая разрушение царства Кирова?»

И, указав на цепи Креза, спросить также: «Может быть, неблагодарность — вообще закон для эллинских богов?»

Но напрасно Крез думал смутить этим дельфийских оракулов. Они ведь недаром давали уклончивые и двусмысленные ответы.

— Упреки Креза несправедливы, — ответила пифия, лидянам, — все случилось так, как было предсказано: «Если Крез пойдет войной на персов, то разрушит обширное царство». Если бы Крез был осторожен, он бы еще раз спросил: о его ли царстве говорит оракул или о Кировом? Но Крез не понял изречения оракула, а теперь пусть винит самого себя.

...Так рассказал Геродот историю царя Креза, его величия и его падения.

Не все понятно нам в этом рассказе. Геродот повествует о встрече Креза с афинским законодателем Солонем. Но мы знаем, что этого не могло быть: когда Солон путешествовал, то Крез в эти годы был еще ребенком и никак не мог принимать Солон в своем дворце.

Может, случилось и так, что приходил к царю Крезу какой-нибудь странствующий эллин, который хорошо знал высказывания Солона и глубоко почитал его. Может быть, он и приводил эти высказывания в ответ на хвастливые речи Креза. И так как слова Солона были глубоки и мудры и словно предсказали судьбу царя, то не будет удивительным, если Крез вспомнил Солона на костре, перед лицом смерти.

БАСНЯ О РЫБАХ

В греческих городах на азиатском берегу Эгейского моря наступило смятение. Крез побежден, и они остались беззащитными перед лицом грозного персидского царя. Теперь они горько сожалели, что не согласились перейти на сторону Кира, когда он предлагал им это, и завидовали Милету, принявшему персидское подданство. Милет согласился платить дань Киру так же, как платил Крезу. Милету не грозили ни война, ни разорение. Но и война, и разорение грозили теперь всем остальным эллинским городам.

Делать нечего. Придется принять предложение Кира, которое они в свое время отвергли, и поступить так, как поступил Милет.

— Царь, нас прислал к тебе Панионийский союз, — так сказали Киру послы ионийских колоний. — Мы согласны быть у тебя в подданстве на том же положении, как были у Креза.

Кир усмехнулся. Но глаза его были недобрыми.

— В ответ на это я расскажу вам басню, — сказал Кир. — Один флейтист увидел рыб в море и начал играть на флейте. Он ждал, ч; то рыбы выйдут к нему на сушу плясать. Но его ожидания оказались напрасными. Тогда он взял сети, закинул их в море и вытащил множество рыб. Рыбы стали биться и подпрыгивать на берегу. Тогда флейтист сказал: «Перестаньте плясать! Когда я играл вам на флейте, вы плясать не хотели!»

Последние слова царь произнес уже в гневе.

Весть о том, как ответил Кир посланцам ионян, тотчас облетела все города Панионийского союза.

На северной стороне гористого мыса Микале, против острова Самос, у ионийцев было свое святилище, которое называлось Панионий. Сюда они собирались на праздники, чувствуя бога Посейдона, которому было посвящено это место. Сюда же собрались они и на совет после гневной отповеди Кира.

Положение сложилось такое.

Милету уже нечего бояться Кира. Островитянам-эллинам, живущим на ближайших островах, Кир тоже не страшен — у персов тогда еще не было кораблей.

Но зато над всеми остальными городами эллинских колоний нависла страшная туча Кирова гнева: война, рабство, казни... Где защита? Кто может помочь им?

Тогда их речи и помыслы обратились к родине. Родина защитит ионян. И они решили послать туда своих глашатаев с мольбой о помощи. Но не в Афины, откуда пришли ионяне, а в Спарту — спартанцы сильнее и опытнее в боях.

Эоляне и фокеяне, эллинские племена, жившие на том же берегу, присоединились к решению ионян. Испуганные, встревоженные, они поспешно снарядили послов и отправили их в

Спарту. А сами бросились сооружать защитные стены вокруг своих городов.

Послы торопились. Но на пути лежало море, которое надо было переплыть. Достигнув берегов Пелопоннеса, они долго пробирались через горы и болотистые долины, пока наконец не ступили в тень мрачного, в снежной шапке, хребта Тайгета. Изнеженным на своем ласковом побережье ионийцам здешние края казались суровыми и неприветливыми.

Перед тем как войти в Спарту, послы выбрали оратором фокеянина Пиферма.

Пиферм красноречив, он сумеет убедить спартанцев выступить против Кира и защитить их города.

Пиферм надел пурпурный плащ, чтобы спартанцы сразу обратили на него внимание. И лишь после этого послы вошли в многолюдный город Лаконики — Спарту.

Пурпурный плащ сделал свое дело. Спартанцы собрались огромной толпой вокруг прибывших послов. Вышли послушать их и оба лаконских царя.

И вот фокеянин Пиферм, в своем ярком, богатом плаще, выступил вперед и начал длинную, украшенную всякими цветистыми фразами и сравнениями речь. Послы, на горе свое, не знали или забыли о суровых нравах спартанцев, у которых многословие считалось одним из самых больших пороков. Пиферм говорил и говорил, не чувствуя ни времени, ни настроения окружающих его молчаливых людей, не видя их насмешливых лиц, не слыша их пренебрежительных реплик...

Не видели, не слышали этого и послы. Они, вышедшие из Афин, где высоко ценилось красноречие, восторгались умением Пиферма говорить так красиво. У них уже прояснились лица и на душе просветлело — после такой пламенной и убедительной речи спартанцы не смогут отказать им!

Но когда Пиферм, ловко закруглив последнюю фразу, замолчал, ионийцы вдруг поняли, что его никто не слушал!

— О чем говорил этот человек? — сказал кто-то из военачальников спартанцев. — Пока мы дослушали до конца его речь, мы забыли ее начало!

— Мы не знаем, о чем вы просите, — сказали и цари, переглянувшись, — мы никуда и никому помогать не пойдём.

И ушли с площади. С острыми насмешками, которые, как дротики, летели в ионийских послов, спартанцы разошлись по домам. Пиферм в своем пурпурном плаще молча, повесив голову, сошел с возвышения, на которое взобрался, чтобы произнести речь.

В отчаянии от своей неудачи ионяне вернулись домой.

Однако в Спарте только сделали вид, что они ничего не слышали и ничего не поняли, Угроза персидского царя и встревожила и возмутила их. Кто он такой, этот Кир, что явился и захватил Лидию и теперь осмеливается угрожать эллинским городам? Спарта не потерпит этого!

Впрочем, прежде чем бросаться защищать эти города, надо отправиться на Азиатское побережье и посмотреть, что там происходит. И может быть, как следует пригрозить Киру — уж он-то, конечно, слышал о том, как воюют лакедемоняне и как они умеют постоять за свою военную славу!

Решив так, спартанцы снарядили пятидесятивесельное судно и отправились в полном вооружении к берегам ионийских колоний.

Прибыв туда, остановились у города Фокеи. Заносчивые, привыкшие всегда быть победителями среди малочисленных эллинских племен, спартанцы послали отсюда своего вестника к царю Киру в Сарды.

Кир принял вестника во дворце.

Вот он сидит на мягком ковре, волосы его, тщательно завитые, ложатся на плечи; маленькая шапочка придерживает их. Черные, как спелая олива, глаза под крутыми бровями глядят уверенно и спокойно.

Знатный спартанец Лакрин, которого прислали вестником с корабля, остановился перед ним, высоко подняв голову. Царь, чуть прищурившись, оглядел его. Грубый плащ, простые грубые сандалии — подметки да ремни, переплетенные на ноге пять раз. Длинные, неубранные волосы, небрежно торчащие на голове. Спартанцы после битвы с аргивянами из-за Фиреи стали, как и все эллины, носить длинные волосы, но заботиться о них не умели и не считали нужным.

Кир ждал, чуть-чуть брезгливо поджав свои красивые твердые губы, в углах которых уже обозначились легкие морщинки.

— Я пришел сообщить тебе, царь, волю моего народа. Мы, спартанцы из Пелопоннеса, требуем, чтобы ты не вредил никаким городам эллинской земли, потому что мы, спартанцы, этого не потерпим.

Кир в насмешливом недоумении обратился к эллинам, бывшим в его свите:

— Что за люди — спартанцы? Или их число очень велико, что они обращаются ко мне с подобным требованием?

Спартанцы — дорийское племя, живущее на Пелопоннесе, У подножия Тайгета. Нет, число их невелико. И земли у них немного. По сравнению с войском царя Кира то же, что облачко по сравнению с грозовой тучей.

Выслушав сообщение эллинов, Кир сказал спартанскому глашатаю, не скрывая презрения:

— Никогда не боялся я таких людей, у которых посреди города есть определенное место, где они собираются и под клятву обманывают друг друга. Если я доживу, спартанцам будет не до чужих бед — своих хватит!

Лакрин ушел от Кира с нахмуренным лбом. Он был в неприятном недоумении: как же так? Здесь угроза Спарты никого не испугала! И наоборот, он почувствовал, что угроза Кира страшнее, чем их угроза. Кир пригрозил всем эллинам и спартанцам тоже. Ведь и у них в Спарте есть базарные площади и рынки, где идет купля и продажа, а именно об этом и сказал Кир. У персов же нет рынков и базарных площадей, потому что они считают, что там не обходится без лжи и обмана, а ложь и обман для персов — величайший позор!

Кир еще погневался, а после посмеялся над такой самонадеянностью маленького эллинского племени. И забыл о нем.

Другие замыслы, другие заботы, неизмеримо более огромные и трудные, вставали перед Киrom. Другие дороги звали его — дороги на Бактрию, на Вавилон... А может быть, и дальше — в Египет.

Ионийские колонии у моря? Да он и не пойдет воевать с ними. Эти города возьмут и без него его полководцы.

Перед тем как двинуться в дальние походы, Кир собрался в родные края, в Экбатаны. Город

Сарды был красивый и богатый, с хорошим климатом и чистой водой. Но это был чужой город. Земли, которые он завоевал, были плодородными и цветущими, но это были чужие земли. Хотелось подышать суровой прохладой хребта Эльбурса, взглянуть на неприступный заоблачный Демавенд. Кир был такой же человек, как все. Его так же тянуло на родину, ему так же хотелось слышать вокруг родную речь, пусть варварскую, как считают здесь, по эту сторону Галиса, но родную!

Но это был только голос сердца, с которым Кир умел справляться, когда это было нужно. А главное, как хороший хозяин, он хотел посмотреть, что делается в стране, которую он оставил, надолго уйдя в поход.

Надо было наладить все, что разладилось, навести порядок, утвердить законность. Надо было устроить государственные дела так, чтобы не опасаться ни бунта, ни восстания среди подданных его обширного царства. Он хотел, чтобы власть его держалась не страхом, а довольством и спокойствием подвластных ему народов. Это было необходимо Киру, потому что он снова собирался в поход далекий и нелегкий.

Когда-то Вавилон был союзником Мидии. Теперь, когда Кир воевал с Крезом, вавилонский царь Набонид согласился помочь лидийскому царю и готовился вступить в войну против Кира.

Но Кир действовал слишком быстро и уже захватил Сарды, пока Набонид собирал войска...

И тогда, когда вавилонский царь Набопаласар воевал на стороне Мидии против Ниневии, он был ненадежным союзником. Теперь же Вавилон стал открытым врагом. Этого сильного врага надо победить и захватить вавилонские земли. Вавилон богат. Дворцы Кира наполнятся сокровищами, и держава его увеличится.

А там недалеко и до Египта...

Охрану Сард Кир поручил персу Табалу. Запасы лидийского золота — золото Креза и Сард — он отдал под охрану лидянина Пактия, выразив этим свое уважение и доверие лидийскому народу.

И когда Кир все это устроил, то отправился в Экбатаны с огромной свитой и боевыми отрядами. Он взял с собой и Креза, которого любил и уважал и с которым теперь никогда не расставался.

ВОССТАНИЕ ПАКТИЯ

Все затихло в Сардах. Сверкающие воды Пактола смыли с улиц города следы минувшей битвы — грязь, кровь, пепел пожарищ. Горожане принялись за свои дела, жители деревень вышли на поля.

Но уже не было в Сардах прежнего веселья и гордого спокойствия. Чужой гарнизон стоял в городе, чужой человек, говорящий на чужом языке, жил во дворце царя Креза и правил страной. Персы не грабили, не обижали лидян, но они были хозяевами, они диктовали свою волю, и это было трудно терпеть.

Пактий ревниво хранил доверенное ему золото, золото Креза, золото Лидии. Он никого не допускал к сокровищнице, даже Табала.

Но для кого он, лидянин, берег это лидийское золото? Для Кира, для завоевателя, отнявшего

независимость Лидии?

Нет, у Пактия созревали другие замыслы. Неужели он, держа в своих руках сокровища самой богатой страны, не сможет вернуть этой стране свободу? Кира нет, Кир далеко. Его конь уходит все дальше и дальше по мидийским дорогам, все дальше и дальше от Лидии. Пока персы-гонцы доскачут до Кира, лидяне успеют сбросить персидского сатрапа и опять станут свободными. Хватит ли у Кира силы снова покорить Лидию, которую он и в первый раз не так-то легко взял?

«А если у него, у Кира, хватит сил, — возражал Пактий самому себе, — что станет тогда с Лидией? Тогда ее больше не будет на земле».

Противоречивые мысли и чувства мучили Пактия. Разум говорил, что надо покориться, что бороться с Киrom Лидии не под силу. Но чувство не соглашалось с разумом. Пактий уже не мог расстаться со своей дерзкой мечтой. Будет ли у него более удобный момент? Сегодня ключи от сокровищниц Креза у Пактия в руках, а завтра их могут отнять у него, и тогда уже никаких надежд на освобождение, никаких!

Может быть, кроме забот о свободе родины, голову ему кружил опасный мираж власти? Ведь если он, подняв восстание против Кира, победит, кому же, как не ему, Пактию, достанется высшая власть?

И Пактий решился. Взволнованный, он ходил среди лидян, не давая им успокоиться. Он верил, что настал день, когда им удастся выгнать персов и снова стать свободными. Этой верой он окрылил и других. Лидяне еще не привыкли к зависимости, и речи Пактия были как горящий факел, брошенный в солому.

Табал не успел понять, что происходит, а Пактий, захватив все золото из сокровищниц Креза, собрал лидян, могущих держать оружие в руках, и отправился к морю.

Здесь, в приморских колониях, Пактий нанял большое войско: золота у него хватало. Он призывал и жителей побережья помочь ему в битве с персами. Многие откликнулись на его призыв.

Пришли из Приены, пришли из Магнесии, пришли лучники и копейщики с зеленой равнины Меандра.

Со всем этим войском Пактий вернулся в Сарды. Снова отдохнувшую было от побоищ и крови страну заполнили солдаты, снова военные обозы прошли по полям, выбивая дотла посевы.

Табал заперся в крепости. Пактий, окружив Сарды войсками, начал осаду.

Персидские гонцы нагнали Кира уже на мидийской земле. Царь выслушал их, и глаза его засверкали от негодования.

Он обернулся к Крезу.

— Чем все это кончится, Крез? — сказал он с гневным укором. — Мне кажется, лидяне не хотят успокоиться? Думаю я, будет лучше обратить их в рабство. До сих пор я поступал с ними милосердно. Я лишил их тебя, но самим лидянам возвратил город. И после этого они восстанут против меня!

Крез испугался. Он знал, что Кир не любил казнить пленных врагов. Но Кир не терпел, когда обманывали его доверие. Крез испугался за Лидию.

— Ты говоришь правду, царь, — сказал он. — Но не гневайся, не уничтожай древнего города,

ведь Сарды ни в чем не виноваты. Виноват перед тобою был я и терплю за это достаточно. А в том, что случилось теперь, виноват Пактий, которому ты доверил золото. Он и должен быть наказан, а самим лидянам даруй прощение. Но чтобы они не бунтовали против тебя, сделай такое распоряжение: запрети лидянам носить оружие, прикажи надеть длинные хитоны и высокие башмаки; вели им также обучать своих детей игре на кифаре и арфе, а также пусть они учатся торговле. И ты, царь, скоро увидишь их мирными людьми, и больше не нужно будет опасаться, что они восстанут против тебя.

Крезу тяжело было давать этот совет, но, разоружая свою Лидию, он знал, что этим спасет ее. Сердце его дрожало при мысли, что лидян, в цепях и колодках, рабами погонят в чужие земли. Он снова с горячим волнением принялся убеждать Кира не губить лидян и послушаться его совета.

Понемногу грозные морщины на лбу Кира разгладились. Гнев его погас.

— Я сделаю так, как ты, Крез, советуешь мне.

Кир позвал мидийского полководца Мазара, велел ему взять достаточно войска и вернуться в Сарды.

— Разбей Пактия. Всех, кто осаждал Сарды, продай в рабство. Мирных лидян не трогай, но поступи с ними так, как сказал Крез. Пактия же не убивай и не продавай в рабство. Пактия возьми в плен живым и приведи ко мне.

Так решив это дело, Кир отправил Мазара с сильным войском обратно в Лидию, а сам продолжал путь в Экбатаны.

Мазар угрюмо ехал впереди своих отрядов. Мидянин устал от чужих стран, от чужого народа и непонятного говора, от духоты и жгучего солнца у него болела голова. Он так ждал того часа, когда копыта его коня звонко застучат по нагорьям его суровой родины и когда, обратившись к любому встречному человеку с вопросом или приветствием, он услышит родную мидийскую речь.

Солдаты тоже молчали. Раздражение против лидян росло. И чем ближе подходили к Лидии войска Мазара, тем яростнее было нетерпение схватиться с войсками Пактия, разбить их, уничтожить.

Но Мазару не пришлось сразиться с Пактием. Лидяне, услышав, что персы снова идут на Сарды, в ужасе разбежались. Наемники, получив плату, ушли. Пактий, оставшийся с горсткой солдат, понял, что дело его проиграно, и бежал из Лидии.

Мазар открыл крепость, освободил Табала.

Лидия притихла, приникла к земле. Все ждали жестокой расправы, наказаний, казней.

Но проходили дни, а ни наказаний, ни казней не было. Мазар все сделал так, как велел Кир.

Изумленные лидяне охотно повиновались его распоряжениям. Они снесли в крепость все свое оружие — копья, дротики, секиры, колчаны, полные стрел, все свои щиты, панцири и сложили в кладовые, охраняемые персидскими солдатами. Они надели белоснежные льняные хитоны и высокие башмаки. В домах зазвенели кифары и арфы.

Лидяне все еще боялись поверить такому счастливому повороту своей судьбы, но понемногу распрямили спины и подняли головы.

Жизнь потекла тихой рекой, с обычными ежедневными делами, с обычными заботами и обычными развлечениями. Только не скакали на конях юноши, тренируясь в искусстве битв,

не бросали дротиков, не натягивали тетивы. Зато в Лидии стало много музыкантов. Дети, обязанные владеть арфой и кифарой, были почти в каждом доме. Уже никто не грозил лидянам войной. Меч Кира надежно защищал их, а белые хитоны и красивые башмаки скоро стали казаться приятной необходимостью.

Только старые конники грустили втихомолку: где их боевые кони? На них сели персы. Где их длинные боевые копья? Они ржавеют под замком у персов. Где их гордая, независимая родина? Она платит дань персам. Где их славный царь Крез? Он в плену у Кира.

Что же осталось им, старым солдатам? Сокрушенно покачивать головой да вспоминать былые походы. Мазар сделал в Лидии все так, как велел Кир. Но одного царского приказа ему выполнить никак не удалось: захватить Пактия и отправить его к царю.

СКИТАНИЯ И ГИБЕЛЬ ПАКТИЯ

Пактий бежал в эолийский город Киму, что против острова Лесбоса.

Кима в то время была самым большим и богатым из эолийских городов.

Правда, рассказывают, что кимеяне были очень недогадливы. Будто бы лишь спустя много лет после основания города они стали собирать портовые пошлины. А до этого им и в голову не приходило, что они живут на берегу моря, что город их портовый и что они могут на этом разбогатеть.

Рассказывают также, будто кимеяне заняли у своих богачей денег от имени города, отдав в залог портики. Денег они в назначенный срок вернуть не смогли, и за это народу не дозволялось гулять под портиками и во время дождя. Люди, давшие городу деньги в займы, в конце концов устыдились, что кимеяне ходят под дождем, и они стали посылать глашатая, который кричал во время дождя:

— Дождь! Идите под портики!

Злые языки утверждали, что кимеяне даже этого сообразить не могут — так и ходят по дождю, пока глашатай не позовет их под портики. Но дело было, конечно, в другом. Они просто считали себя не вправе пользоваться портиками, раз эти портики еще не выкуплены.

Вот в этот эллинский город на побережье моря, где жили не очень предприимчивые, но крепко соблюдавшие законы чести люди, и бежал лидиец Пактий просить убежища. Выдать попросившего защиты — позор. Пактий знал, что кимеяне не сделают этого.

Скоро в Киму явились послы от Мазара. Именем царя Кира они потребовали, чтобы кимеяне выдали Пактия. Пактий ждал, что кимеяне ответят твердым отказом. Но, к ужасу своему и негодованию, он увидел, что отказа не последовало.

Правда, не было пока и согласия выдать Пактия. Кимеяне колебались. Выдать Пактия — нечестно. Не выдать — восстать против самого Кира. И тогда что будет с Кимой?

Недалеко от Милета, в Дидимах, находилось святилище Аполлона Дидимского, которого почитали ионные и эоляне. Здесь было и прорицалище жрецов Бранхидов, куда ходили за советом к божеству.

Чтобы не брать на себя ответственности за решение такого трудного дела, кимеяне решили спросить у Аполлона, как им быть? Как поступить с Пактием, чтобы это было угодно богам?

Когда послы вернулись от Бранхидов, кимеяне собрались на площади. Все были взволнованы. От решения божества зависела их судьба и судьба города.

Послы смущенно стояли перед народом. Стараясь не глядеть в сторону Пактия, они достали принесенную из прорицалища табличку. И оттого, что послы не взглянули в ту сторону, где стоял Пактий, несчастный лидиец понял, что он предан.

Один из послов взял табличку и громко прочел решение оракула:

— «Пактия выдать персам!»

Пактий, который предчувствовал беду, но все же втайне надеялся, что божество защитит его, поник головой.

И сразу на площади поднялся шум. Сначала завязались споры, потом голоса стали громче, началось смятение.

— Если божество приказало, значит, надо выдать Пактия!

— Как можно выдать Пактия? Он пришел к нам просить защиты!

— Кир разорит Киму! Надо выдать Пактия!

— Выдать Пактия!

И Пактия уже схватили, чтобы отправить немедленно в Сарды. Но тут за него, а вернее, за честь своего города вступился знатный кимеянин Аристокдик.

— Этого нельзя сделать, — сказал он. — Мы не можем принять на «себя такое бесчестье! Горе такому народу, который выдаст того, кто ищет у него защиты!

— А как можем мы не повиноваться божеству? — возразили ему. — Как можем не верить мы божеству? Ты не веришь оракулу Бранхидов?

— Я верю оракулу Бранхидов, и я повинуюсь божеству, — ответил Аристокдик. — Но я не верю послам, ходившим туда, и не верю их измышлениям. Они сказали неправду. Не может оракул подвигнуть нас на то, чтобы покрыть себя позором! Надо послать других послов в Дидимы. И я сам пойду с ними туда!

Выбрали снова послов. Вместе с ними отправился к Бранхидам и Аристокдик.

Аристокдик обратился к оракулу.

— Владыка! — сказал он. — Пришел к нам с просьбой о защите лидянин Пактий, спасаясь от насильственной смерти от персов. Персы требуют его выдачи и понуждают к тому кимеян. Хотя мы и боимся могущества персов, однако не дерзаем выдать пришельца до тех пор, пока ты ясно не скажешь, что нам делать.

И оракул ответил:

— Выдать Пактия персам.

Аристокдик, хотя и говорил, что не верит послам, которые ходили раньше, однако был готов и, к такому ответу. Поэтому он поступил так, как заранее задумал, если оракул снова велит выдать Пактия.

Он вышел из прорицалища и начал молча разорять птичьи гнезда, которые ютились под крышей храма. Птицы подняли крик — никто и никогда не осмеливался трогать их здесь, под

защитой божества.

Вдруг из храма послышался голос:

— На что ты посягаешь, нечестивец? Ты истребляешь ищущих у меня защиты!

Аристоклик не смутился. Он ждал, он хотел этого.

— Ты, владыка, охраняешь молящих тебя о защите, — сказал он, — а кимеянам приказываешь выдать того, кто просит защиты у них!

И тогда оракул гневно ответил:

— Я приказываю это для того, чтобы вы скорее погибли через ваше нечестие и чтобы впредь не приходили к оракулу за советом о выдаче просящих!

С этим ответом послы и вернулись в Киму.

Однако в Киме не наступило спокойствие. Выдать Пактия невозможно после того ответа, который получили они в Дидимах. Это грозило позором и гибелью. Но и оставить Пактия тоже нельзя — Мазар явится и разорит Киму.

Тогда кимеяне пришли к такому решению: отправить Пактия куда-нибудь в другой город. И отослали его в Митилену, на остров Лесбос, город богатый, торговый, с двумя гаванями. До Митилены персам было труднее добраться, они в то время еще не были мореплавателями.

Мазар узнал, что Пактий перебрался на Лесбос, и тотчас послал туда своих глашатаев все с тем же требованием: выдать ему Пактия.

Митилян это требование не смутило. Кто для них Пактий? Чужой человек, варвар. Неужели из-за какого-то варвара им страдать и волноваться? Проще всего выдать Пактия. Да и не просто выдать, а потребовать с персов выкуп. О сумме можно договориться.

Пактий в тоске выслушал их решение. Страшна смерть. И еще страшнее — наказание, которое готовят ему персы. Но спасения он уже не видел.

Однако кимеяне следили за его судьбой. Их пугал ответ оракула, грозящий гибелью тем, кто выдаст просящего защиты. Митилена — город их племени. Вместе с Митиленой погибнет и Кима!

Кимеяне снарядили судно и, чтобы спасти Пактия, перевезли его на остров Хиос. А вернее, они это сделали, чтобы избавиться от него совершенно. Они, золяне, не выдали Пактия. А как поступят хиосцы — это их дело.

Ступив на землю прекрасного острова Хиоса, Пактий, как, и всюду в последние годы, попросил помощи и защиты. Но хиосцы смотрели на него пустыми, равнодушными глазами. Зачем он пришел к ним? Несчастный, потерявший родину, за которым следом идет опасная угроза персов, — зачем он пришел сюда, притащив за собой и эту угрозу?

На Хиосе живут богато и свободно. У хиосцев прекрасные глубокие гавани, в которых стоят на якорях корабли. У них есть мраморные каменоломни. Их пальмовые рощи плодоносны, а их виноградники дают самые лучшие вина из всех греческих вин. Зачем нужен хиосцам этот варвар? Персы требуют его — пусть возьмут. Но так как хиосцы уже научились плавать по морю в торговать, научились ценить прибыль и наживу, то сочли благоразумным потребовать за Пактия плату. Пускай персы возьмут его, а хиосцам взамен отдадут Атарней, местность в Мисии, против Лесбоса.

Пактий, услышав о таком вероломном решении, бросился в храм Афины — градохранительницы. Эллыны почитают своих богов, они не осмелятся взять Пактия, если он укрылся под защиту богини!

Но в Хиосе было смешанное население. Наверно, хиосцы уже забыли, кто из них какого племени. И законы своей прежней родины уже не казались им непреложными. Афина-градохранительница не смогла защитить Пактия. Его силой вывели из храма и отправили к персам.

А взамен получили Атарней.

Так погиб Пактий, пытавшийся вернуть свободу своей родине.

КАРАЮЩАЯ РУКА КИРА

Кир был милостив к побежденным. Он не разорял их земель и городов, не продавал в рабство, не выкалывал глаза, не сажал на кол, как было в обычае у древних завоевателей. Но только тогда, когда побежденные были покорны.

Однако если побежденная страна стремилась сбросить власть Кира или, что еще хуже, пыталась обмануть его, тяжка и беспощадна была его карающая рука. Тогда и он сам, и его военачальники с безудержной жестокостью уничтожали эти племена и народы.

Так случилось и с теми, кто присоединился к Лидии и осаждал Табала в Сардах.

Мазар со своим войском, как огненный смерч, прошел по равнине Меандра.

Меандр, извилистая река, протекала через многие города и поселения. На ее берегах жили и варвары и эллыны, переселившиеся сюда из Эллады, лидийцы, карийцы, ионийцы, эоляне. Меандр часто менял свое русло и этим нарушал границы прибрежных стран. Говорят, что каждый раз в таких случаях против Меандра возбуждалось судебное дело. И после того как признают Меандр виновным, на него налагают денежный штраф. А штраф потом выплачивают из сборов за переправу.

В долине Меандра была почва мягкая и плодородная — река создала эту долину из своего ила. Садов и лесов тут было мало, но зато щедро росли виноградники. На берегах Меандра стояли прекрасные богатые города — Магнесия, Пирра, Миунт... Тут же недалеко, над побережьем моря, лежала цветущая страна Приена...

Всю эту зеленую равнину Меандра, напоенную влагой и жарким солнцем, все эти города, с их храмами, святилищами, с их обильными рынками и ремеслами, Мазар отдал на разграбление своим солдатам. Все было истоптано, разорено, сожжено... Не пощадили и прекрасную Магнесию, большой эолийский город. А жителей Приены, помогавших Пактию, Мазар продал в рабство. Это было самое страшное наказание, каким можно наказать свободный народ.

Мазар выполнил приказ Кира — разорил страну. Но и сам жил недолго: тяжелые военные походы свели его в могилу.

После его смерти командование войском принял старый мидиец Гарпаг. Сам Кир назначил его военачальником.

Гарпаг двинул войска на эллинские колонии. Прежде всего он напал на ионийский город Фокею. Фокеяне, жившие на берегу залива, были рыбаки и мореплаватели. Скудная почва их

страны не давала достаточно ни хлеба, ни винограда. Поэтому фокеяне в основном жили морем — ловили рыбу, солили ее, сушили. Возможно, и торговали ею. Они первые из всех эллинов уходили далеко в море. И уже в то время у них были не круглые суденышки из тростника, обмазанные смолой, а настоящие морские пятидесятивесельные суда. Они в своих скитаниях по неведомым морским просторам открыли Адриатический залив; нашли дорогу в Тиррению, что на италийском берегу и куда, по преданию, спасаясь от голода, выселилась колония лидян во главе с царским сыном Тирреном... Они отважились ходить на весельных судах в дальнюю Иберию, к берегам Испании.

Бывали они и в Тартесе, что на реке Тартес, в области Иберии, где люди жили мирно, богато, и нравы их были невиданно мягкими. Царю Тартеса Арганфонию нравились фокеяне. Пришедшие из Афин фокеяне помнили и знали многое — и музыку, которую любили, и красноречие, которое ценили, и искусство ваяния, которое процветало на их родине и о котором они могли рассказать. Фокеяне так нравились Арганфонию, что он предложил им совсем перебраться к нему в Тартесиду... Говорят, что в Тартесиде даже кормушки для скота были серебряные, а люди жили по сто пятьдесят лет!

Но фокеяне тогда остались на своем берегу. Теперь же, услышав, что Гарпаг двинулся на них с войсками, они бросились к Арганфонию за помощью.

— Что делать? Могущество персов так велико, что никакая сила им противостоять не может! Если мы вступим с ними в сражение, то все погибнем!

— Защищайтесь, — ответил им Арганфоний, — поставьте стены вокруг своего города!

Он дал фокеянам денег, дал щедро. И фокеяне тотчас начали возводить вокруг города высокую стену. Стена получилась большая, на много стадий в окружности. Сложена она была из крупных, плотно прилаженных камней, и ее острые зубцы венцом встали над городом.

Гарпаг явился с войском и тут же осадил Фокею.

«Безумные! — думал Гарпаг с горечью, глядя на фокейские стены. — Они решили, что могут спастись за стенами от руки Кира!»

Гарпаг послал к фокеянам глашатаев.

— Сдавайтесь. Если город ваш будет разрушен и разорен, не мы будем виноваты, а вы. Неужели осмелитесь вы надеяться, что победите меня, полководца царя царей Кира? Я не хочу гибели вашего города. Сломайте хоть один зубец на своей стене, пожертвуйте хоть одним зданием, и я приму вашу покорность без разрушений и кровопролития!

— Дай нам на размышление один день, — ответили фокеяне. — Но на время нашего совещания отведи от стен города свои войска.

Гарпаг усмехнулся:

— Знаю я ваши замыслы! Но что ж, пусть будет, как вы просите. Поразмыслите хорошенько — я позволяю.

И он отвел войска от города.

А Фокея вся гудела и стонала от горя. До отчаяния жалко покидать свой родной город, свою землю. Но неужели идти в рабство к персам?!

Только не в рабство!

Бороться с Гарпагом бесполезно, бессмысленно: его войско, как туча, охватило Фокею. Если

противиться Гарпагу, они все погибнут и от их прекрасного города останется только пепел. Но что же тогда делать?

Решать надо было быстро: сроку для размышлений у них только один день. И они решили. Спустили на море все свои пятидесятивесельные суда, поместили на них женщин и детей, а также своих богов и наиболее ценное имущество, кроме камня, меди и картин. А потом взошли на суда сами и отплыли к Хиосу, потому что Арганфония, который мог бы принять их, уже ИР, было в живых.

Наутро персы вошли в безмолвную, покинутую жителями Фокею. Стены не защитили ее.

Много скитаний пришлось вытерпеть фокеянам, много довелось принять горя. Они хотели купить у хиосцев Энуссы, лежащие около Хиоса острова. Но хиосцы побоялись, что если тут поселятся фокеяне, то Энуссы станут торговым местом, а тогда их остров Хиос потеряет всякое торговое значение. И они отказали фокеянам.

Что делать, где найти землю, которая приняла бы их?

Их вождь Креонтиад предложил плыть на один из островов близ побережья Тирренского моря — на остров Кирн. Позже римляне назвали Кирн Корсикой.

Плавая по морям, фокеяне знали, что остров этот каменистый и в большей своей части непроходимый. Знали, что там в пещерах живут разбойничьи племена, о которых говорят, что они свирепы, как дикие звери. Но куда-то надо было пристать и на какую-то землю надо высадиться и начать новую жизнь.

Горе и ярость томили фокеян. Не так давно у них были свой город, своя земля... А нынче они скитаются и терпят такую беду!

Решили плыть на Кирн. Но раньше чем уйти, повернули свои корабли к Фокее, ворвались в город, перебили, уничтожили весь гарнизон, оставленный Гарпагом для охраны города.

Тут, собравшись вместе в своем опустевшем городе, фокеяне поклялись никогда больше не возвращаться на этот берег. И грозили тяжкими проклятиями тем, кто нарушит обет и вернется в Фокею.

Они взяли большой кусок железа, и Креонтиад бросил его в море.

— Клянемся не возвращаться в Фокею до тех пор, пока железо это не всплывет на поверхность моря!

Фокеяне в один голос повторили:

— Клянемся!

И еще раз со слезами простившись с дорогим сердцу городом, они направили свои корабли на Кирн.

Правда, эту страшную клятву сдержали не все. Когда корабли понесли их от родного берега на чужбину, многие из фокеян вдруг поняли, что не могут покинуть Фокею. Они так тосковали, так жалели свой город, что не выдержали и повернули корабли обратно. С покорно опущенной головой, с тяжестью нарушенной клятвы, со страхом перед жестокостью завоевателей они высадились на родную землю. Любовь к родине оказалась сильнее всего... Остальные фокейские корабли, направив свои железные носы в сторону Кирна, вышли в море. Еще долго мерещился затуманенным глазам фокеян родной берег в лазурном сиянии неба и морских волн.

Много всяких бед и несчастий пришлось вынести фокеянам. Они сражались с тирренами и карфагенянами, в битве с которыми погибли их корабли... Большую часть фокеян с погибших судов враги захватили в плен, высадили на сушу и забили камнями до смерти... Потом тем, кто остался в живых, пришлось покинуть и Кирн и, собрав на корабли свои семьи, бежать в Регий — в эллинскую колонию на италийском берегу. Когда-то греки-халкидяне переселились сюда из Дельф из-за недорода. Но и здесь не оказалось фокеянам приюта.

Наконец это вольнолюбивое племя перебралось в Энотрию — так называлась тогда эта часть Италии. Они приобрели там город и назвали его Гиелой.

Так же как и фокеяне, поступили жители ионийского города Теоса. Они заперлись от Гарпага в своей крепости. Но Гарпаг сделал вокруг стен Теоса высокие насыпи и овладел городом. Теосцы, так же как фокеяне, сели на корабли и покинули родину. Они отплыли к Фракии и заняли там город Абдеры, что возле островов Лемнос и Фасос, за Фасосским проливом...

Изгнанники не забывали своей родины. В тех незнакомых краях, куда пришли, потерявшие все свое имущество, оторванные от своих пашен и ремесел, изгнанники жили трудно, тяжело, в непроходимой тоске...

И все-таки они предпочитали выносить всяческие страдания, только не рабство.

Остальные ионийские города пытались сражаться с Гарпагом. Они мужественно защищали свою свободу. Но персидские войска, в которые влились еще и побежденные народы, превосходили их силой.

Гарпаг победил ионийцев, взял их в плен. Он не стал сгонять ионийцев с их земли, не стал продавать в рабство, ионяне остались в своих городах. Но у них уже не было своих правителей и законов. Они только исполняли приказания завоевателей.

Покорив Ионию, Гарпаг пошел войной на остальные племена, жившие в Азии, — на карийцев, кавниев и ликиян... Как большая гроза, ничего не щадящая на своем страшном пути, прошел Гарпаг по всей нижней Азии.

А сам Кир тем временем такой же грозой прошел по верхней Азии и покорила все живущие там народы.

И теперь, когда вся Азия была под рукой Кира, перед ним вставала давняя мечта его деда Астиага — Вавилон.

ТАМ, В МЕЖДУРЕЧЬЕ

Немало лет прошло с тех пор, как молодой Кир одержал первую победу — победу восставшей Персии над Мидией, над своим дедом Астиагом.

Кир еще крепок и силен. Но возле его глубоких, полных черного пламени глаз легли тени, на высоком лбу, над крутыми бровями появились морщины, а лицо потемнело и загрубело в битвах и походах...

С давних пор, с тех самых времен, когда он отнял власть у своего вероломного деда царя Астиага, в их семье жили рассказы и воспоминания о том, как мидийский царь Киаксар, отец Астиага, ходил в Междуречье.

— Ты глупейший и бессовестнейший! — яростно укорял Кира свергнутый Астиаг. — Ты отнял

у меня царство, но сможешь ли ты сделать то, что сделал твой прадед Киаксар и что совершил бы я? Хоть бы ты оглянулся назад и посмотрел на то, что совершали мидийские цари!

Злобные речи, издевательства, оскорбления — все это не волновало Кира. Но он жадно слушал, когда Астиаг, прерывая свою речь проклятиями Киру, и Кирову отцу, и всем персам вместе, рассказывал о боевых походах мидийских царей.

Особенно о Киаксаре, который в устах Астиага был настоящим царем, настоящим воином и полководцем. Ведь это он разгромил величайшее царство мира — Ассирию, это он сровнял с землей «логово львов» — богатейший и непобедимый город Ниневию!

Да знает ли Кир, что такое была Ассирия и ее цари?!

Ее войска были несокрушимы. Где проходили ассирийские солдаты, не оставалось ничего. Поля были вытоптаны. Города разрушены и сожжены. Финиковые рощи, сады и виноградники вырублены. И ни одного человека не оставлено в живых.

— «Я окружил, я завоевал, я сокрушил, я разрушил, я сжег огнем и превратил в пустыни и развалины...» — вот как говорили эти цари! — в восторге повторял Астиаг слова ассирийских царей. — И они могли так говорить, потому что это была правда! Они поступали так, как подобает великим царям. А что делаешь ты, глупейший? Завоевал всю Азию, а Сарды стоят, Милет стоит, да и где хоть один город у тебя разрушен и сожжен?

— А почему же все-таки пала Ниневия?

Внимательные глаза Кира спокойны. Пусть старик ругается. Киру нужно понять, почему рухнула такая могучая держава? Почему могли победить ее?

Ниневия!

При одном упоминании этого города Астиаг весь загорался как факел. Худой, жилистый, желтый как медь, старик начинал бегать от стены к стене, будто хищная птица, запертая в клетке. Он ведь был там с отцом, он видел эту прекрасную, как сон, Ниневию... Для него было наслаждением еще раз пережить свою юность, побывать еще раз в тех далеких, в тех необыкновенных краях, еще раз воскресить в своем все еще яростном сердце восторги победы и разрушения...

— Мы всегда ненавидели Ассирию. Ассирийцы грабили нас. Скот угоняли. Уводили в плен наших людей. Все народы ненавидели ее. Но были там умные цари. Вот Тиглатпаласар. Он так устроил свои войска, так их распределил, что они стали непобедимыми. Отец мой — царь Киаксар сделал так же. Разделил войска по родам оружия. Чем и ты пользуешься теперь!

В дыму пожарищ Астиаг все-таки успел увидеть высокие стены Ниневии, ее широкие светлые улицы, ее ступенчатые башни и храмы, ее прекрасные, как полуденные видения, дворцы, отражающиеся в бурных водах Тигра...

Ни камня, как в Египте, ни мрамора, как в Элладе, ни дерева, как в Мидии, в Ассирии не было. Строили из глины, из кирпичей — сырых и обожженных. Но как строили!

Запомнился на всю жизнь дворец Ашшурбанипала. Сам Ашшурбанипал, по мнению Астиага, был хоть и могущественный царь, но много терял времени на ненужные занятия: он читал и писал. Зачем это царю? Пусть этим занимаются жрецы и маги. А он, кроме того, еще собирал библиотеку, глиняные таблички, исчерченные клинышками, а клинышки эти будто птичьи следы на сыром песке. Огромные залы во дворце заняты были этими табличками. Ну и гремели, и трещали они, когда горел дворец и стены его рушились!

Острая память Астиага хранила многое. Он рассказывал о дворцовых залах, число которых казалось ему бесконечным. Он помнил отлогие лестницы, уходящие под облака, стройные, легкие ряды колонн, сад, вознесенный над городом, деревья, растущие в каменных ямах, наполненных землей. Когда они добрались туда, оказалось, что воздух там свежий и чистый... Не то что внизу, где и гнус всякий, и болотные туманы, и нестерпимая жара... Песок, глина да еще и смерчи, страшные, крутящиеся столбы.

Но что поразило на всю жизнь Астиага в царских дворцах — это огромные каменные быки с человеческими головами. Они глядели каменными глазами на мидийцев, когда те поднимались к дворцу; они разглядывали их со всех сторон так, что по спине шел холод. И когда мидийцы все-таки вошли в ворота дворца, эти каменные — Астиаг клялся в этом! — сразу шагнули вперед.

Но ничто не остановило мидийцев. Они разрушали, жгли, убивали!

— Неужели одно мидийское войско сделало это?

— Нет, не одно мидийское. С нами были и вавилоняне. Но без нас Вавилон не победил бы. А кроме того, пошел разброд в самой Ассирии. Начали бунтовать рабы. Вышли из повиновения покоренные народы. Это помогло нам. А почему так случилось? Слабые были цари. Надо бы еще крепче держать рабов. Не щадить. Народ должен бояться царя! Трепетать должен перед царем! Воля царя — воля богов, а народ — прах, который он попирает ногой! Вот как надо!

«Вот как не надо, — думал Кир, слушая это, — только безумные в своей жестокости правители поступают так. Страхом и ненавистью не укрепить царства».

О жестокости ассирийских царей Кир наслышался довольно. Даже просвещенный царь Ашшурбанипал своей рукой выкалывал пленным глаза и сажал людей на кол...

«Нет, — думал Кир, — не о казнях надо думать, а о том, чтобы покоренному народу жилось хорошо и спокойно под твоей рукой. Тогда не будет у царя врагов в тылу. Надо, чтобы нивы были засеяны и сады наполнялись плодами. Только безумные правители разоряют землю, принадлежащую им».

»...Поднимается на тебя, Ниневия, рушительный молот... — писал о конце города Ниневии древний автор, — по улицам несутся конницы, они гремят на площадях. Блеск от них, как от огня, они сверкают, как молнии. Врата речные отворяются, и рушится дворец... Захватывайте серебро, захватывайте золото, нет предела искусным изделиям и множеству драгоценной утвари!

Ниневия опустошена, разорена и разграблена... Горе кровавому городу, он весь полон обмана и убийств, в нем не прекращается разбой.

Слышится хлопанье бича, стук вертящихся колес, ржание коней и грохот скачущих колесниц... «

Так же, упиваясь воспоминаниями о разгромах и разрушениях, рассказывал о походе в Ассирию и Астиаг.

— Теперь там тишина. Песок заносит развалины. Только смерчи гуляют там, где было проклятое «логово львов», — Ниневия. Но еще шумит Вавилон! Киаксар, мой отец, разрушил Ниневию. Я, Астиаг, его сын, — мне предстояло разрушить Вавилон! А ты, глупейший, бессовестнейший, разве можешь ты сделать то, что сделал бы я?

«Я сделаю то, что сделал бы ты, — думал Кир, — но не так, как сделал бы ты. Кому польза от развалин и заросших бурьяном полей? Не себе ли самому враг тот властитель, который

опустошает покоренную им страну?»

И каждый раз при этом он вспоминал разговор с Крезом.

»...— Эти солдаты — что они делают?

— Грабят твой город!

— Нет. Не мой город разоряют они... Расхищают они твое достояние!»

«Ты прав, старый мудрый Крез. Ты прав!»

Кир обдумывал поход в Вавилонию. И готовил войска.

ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГА»

Уходя от Армении, горный хребет Тавр поднимается все выше и выше. Здесь, в горной стране, возникают могучие реки Тигр и Евфрат. То сближаясь, то отходя друг от друга, мчат они свои глубокие бурные воды через всю равнину Месопотамии до самого Персидского залива.

Горный хребет с вершиной Загрос стоит над обширной равниной Междуречья, отделяя Мидию от Вавилона. Равнина эта жаркая, сухая. Дождей почти нет. Солнце палит свирепо и неотвратимо. И если бы не эти две реки — Тигр и Евфрат, широко несущие свои воды, — если бы не эти реки, спасающие равнину разливами и плодородным илом, здесь была бы пустыня, гибель и смерть...

Реки разливались широко, удобряя поля. Вода поднималась на двадцать локтей до уровня высоких берегов и на двадцать локтей сверх берегов. Каналы, которыми была изрезана равнина, наполнялись водой и потом долго светились ярко-синими бороздами на красной земле. Землю засеивали, не давая ей высохнуть. Особой обработки эта земля не требовала, а урожаи давала богатые. Древнегреческий географ и историк Страбон рассказывает, что рис там «стоял в воде до четырех локтей высоты с множеством колосьев и зерен».

Сеяли пшеницу, ячмень, босмор — хлебный злак, помельче пшеницы, которым вавилоняне очень дорожили. После обмолота они поджаривали зерно, а прежде давали клятву, что не вынесут с тока неподжаренного зерна, — они не хотели вывозить семена босмора в другие страны.

Во время разлива воду накапливали в больших цистернах, специально для этого устроенных. А потом, когда наступала засуха, спускали ее на поля.

Урожаи были такие обильные, такие богатые, что хватало зерна и людям, и скоту, и на продажу, и на обмен. Хлеб меняли на металлы, на камень, на дерево, потому что ни металлов, ни камня, ни дерева в Междуречье не было.

В Вавилонии разводили скот — овец, ослов, коров. Стада их бродили по склонам гор, по болотам и низинам, где земля не засеивалась. Пастушьи поселки давали стране молоко, масло, творог. Искусные мастера-кожевники выделывали кожи.

По берегам рек селились рыбаки. Улов рыбы был обильным. Рыбу сушили, перемалывали в муку, кормили ею скот, продавали... Рыбаки на своих связанных из тростника и обмазанных смолой суденышках уходили далеко вниз по рекам, до самого Персидского залива...

Высокий густой тростник, щедро растущий по берегам рек, был незаменим в жизни народа, жившего в Вавилонии. Тростник был и топливом, и подстилкой скоту. Из тростника плели корзины. Делали горшки для варки пищи — плели из тростника и покрывали глиной. Тростником, мелко нарубленным, кормили скот. Даже дома строили из тростниковых вязанок, складывали стены и обмазывали глиной для крепости. Покрывали дома тоже тростником. Или просто строили из тростника шалаши.

В этой широкой равнине на реке Евфрат стоял древний город Вавилон, или «Ворота бога», как называли его вавилоняне.

Вавилон окружали крепкая высокая стена и большой ров, наполненный водой.

»...Копая ров, рабочие в то же время выдвигали кирпичи из вынимаемой земли; приготовивши достаточное количество кирпичей, обжигали их в печках. Цементом служил им горячий асфальт, а через каждые тридцать рядов кирпича они закладывали в стене ряд тростниковых плетенок; укрепляли сначала края рва, а потом таким же способом возводили и самую стену. На стене по обоим краям ее поставлены были одноярусные башни, одна против другой, в середине между башнями оставался проезд для четверки лошадей. Стена имеет кругом сто ворот, сделанных целиком из меди, с медными косяками и перекладинами» — так рассказывает Геродот о постройке вавилонской стены.

Вавилон стоял по обоим берегам Евфрата — огромный четырехугольник в двадцать два километра.

Город был богат. Трехэтажные и четырехэтажные дома теснились на его улицах. Это был старый город, стоявший много веков. Его не раз захватывали, разрушали и сжигали враги. Но Вавилон восставал, сбрасывал иго покорителей и вновь отстраивался, упорно защищая свою независимость.

Очень много строил вавилонский царь Навуходоносор II. Он вообще любил строить, но особенно ему хотелось украсить и возвеличить свой Вавилон, который он считал столицей всего мира.

Навуходоносор оставил такую надпись: «... С давних дней, до царствования Набопаласара, моего родителя, многие цари, мои предшественники, строили дворцы в других городах, которые они избирали; там они устраивали себе место жительства, собирали сокровища, складывали дары и только в день праздника Вагвук (Нового года) являлись к выходу бога Мардука. Когда же Мардук призвал меня к царскому сану, а Набу, его истинный сын, поручил мне свой народ, возлюбил я, как свою драгоценную жизнь, сооружение их чертогов. Кроме Вавилона и Борсиппы, у меня не было резиденции. В Вавилоне, который я ставлю выше всего и который я люблю, я заложил дворец — удивление людей...»

Навуходоносор строил храмы и дворцы. Он восстановил разрушенную ассирийцами священную дорогу — дорогу религиозных процессий — и поставил по ее сторонам невысокие красивые стены из голубых эмалированных кирпичей, на которых были изображены белые и желтые львы — сто двадцать львов, идущих по голубому полю.

Он задумал восстановить разрушенную ассирийцами огромную башню — зиккурат, как назывались эти квадратные ступенчатые, похожие на пирамиды башни. Этот зиккурат должен был, по его выражению, «встать на груди преисподней так, чтобы его вершина достигла неба». Начиная эту работу, сам царь и его сыновья принесли на головах золоченые корзины с кирпичом и положили этот кирпич в основание башни.

Навуходоносор II много заботился о защите города от врагов. Ассирийская Ниневия всегда угрожала ему. Но пришел мидиец Киаксар, и от Ниневии остались развалины. В то время вавилоняне вместе с Киаксаром громили Ассирию. Но можно ли доверять этой дружбе? Кто

поручится, что мидийцы не придут снова и не поступят с Вавилоном так же, как с Ниневией?

Вот он и строил вокруг Вавилона стены «вышиной с гору». Чтобы защитить подступы к городу, Навуходоносор велел насыпать валы и обложить их кирпичом. Валы тянулись от Евфрата до Тигра. Кроме того, вдали от города он устроил огромный, выложенный камнем водоем, до краев наполненный водой. Теперь он мог, в случае вражеского нашествия, спустить воду и затопить всю равнину, среди которой Вавилонская область поднялась бы подобно острову.

»...Собрать воды, подобные волнам моря, вокруг города», — говорил царь.

Весной в месяце нисане (март-апрель) персидский царь Кир со своим войском перешел Тигр.

В это время Навуходоносора уже давно не было на свете. В Вавилоне царствовал слабый, подслеповатый, страстно приверженный богам царь Набонид.

Набонид не любил никаких новшеств. Восстанавливая древние храмы богов, он гордился тем, что ничего не изменял в них «даже на толщину пальца». Его жизнь проходила в чаду курений ладана перед алтарями, в дыму жертвоприношений. Даже свою дочь он сделал жрицей в храме бога луны — Сина.

Однако Набонид понимал, какая опасность надвигается на Вавилон. Он, как умел, готовился к войне, пытался объединить подвластные ему племена для защиты Вавилона.

Но народы, поработанные Вавилоном, уже давно изнемогали от непосильных налогов и поборов. Скот, хлеб, изделия ремесел — все шло в кладовые царя и жрецов. Услышав о приближении Кира, подвластные Вавилону племена заволновались: они ждали его как избавителя и готовы были помогать ему.

Власть Вавилона зашаталась.

Набонид молился Мардуку:

»...Защити меня, Набонида, царя Вавилонского, от преступлений против твоего божества и подай мне долголетнюю жизнь... «

А Кир в это время уже вступил в Междуречье.

Набонид бросился защищать Вавилон. Он велел спустить шлюзы и окружить город водой.

Но самой главной защитой он считал богов. В ужасе перед надвигающимися персидскими полчищами он приказал всех идолов из старых вавилонских городов — из Марада, из Кита, из Хурсагаламы и вообще из всей страны Аккада — перевезти к себе в Вавилон. Боги спасут его от Кира!

Это возмутило не только народ, но и жрецов. Жители городов, из которых были взяты боги, негодовали, что их святыни так унизили: их везли в повозках, запряженных скотом — волами и мулами. Плакали, что храмы их оставили пустыми...

А жрецы Вавилона были оскорблены. У них есть свой бог Мардук, которого они называли всемогущим. Мардук здесь, в Вавилоне, — для чего же другие боги?

Но бедный, перепуганный Набонид не слушал ничьих жалоб. Боги должны спасти его и спасти Вавилон. Чем больше богов, тем крепче защита!

КИР НАКАЗЫВАЕТ РЕКУ

Кир вступил в Междуречье.

Это уже не был юноша, горячий, запальчивый, жадно рвущийся к победам, деливший со своими лучниками и копьеносцами пищу у костра и ложе на земле. Это был царь великой державы, покоривший всю Азию, Лидию и все эллинские города Азиатского побережья.

Роскошно одетый, с короткой, красной от хны бородой, завитой в мелкие колечки, с кудрями, падающими до плеч из-под высокой шапки — тиары, в украшенном золотом панцире, Кир, окруженный свитой, ехал на белом коне впереди своего войска.

Эту роскошь Кир перенял у лидян и эллинов. У карийцев он взял обычай украшать султанами шлемы солдат. Да и щиты персы стали делать по их образцу — с рукоятками. А раньше носили их на кожаном ремне, перекидывая ремень на шею через левое плечо.

Армия Кира стала несметной. Тут были и персы, и мидяне, и лидяне, и карийцы, и эллины. У Кира были опытные в военных делах полководцы.

Рядом с ним ехал навсегда преданный ему мидянин Гарпаг. Целую страну — богатую Лидию — отдал Кир Гарпагу в наследственное управление. Кир не забывал ни зла, ни добра.

На пути к Вавилону Кира остановила река Гинда, или, как ее еще называют, Дийала. Эта большая бурная река преградила ему дорогу. Солдаты пытались перейти ее то в одном месте, то в другом, но никак не удавалось. А уж о том, чтобы переправить обоз, и думать не приходилось.

У персов был обычай держать при войске особой красоты и благородства коней, которые считались священными. В важных случаях по их поступи, по их ржанию маги-жрецы предсказывали грядущие события. Такие вот священные кони следовали и за Киром.

Когда войско стояло на берегу Гинды, вдруг один из этих коней отважно кинулся в реку, стремясь переплыть ее. Но река тотчас подхватила коня, закружила и, захлестнув волной, утащила на дно.

Кир вознегодовал.

— За это насилие, — пригрозил он Гинде, — я сделаю тебя такой незначительной, такой мелководной, что женщины будут переходить вброд и колен не замочат!

Кир приостановил поход.

Он приказал раскинуть лагерь. Скоро по всей долине загорелись костры, задымились котлы. Люди и лошади были рады отдохнуть от долгого пути.

Наутро Кир разделил свое войско на две части. Одна половина войска осталась на этом берегу. Другая — переправилась на тростниковых плотках на тот берег. Кир наметил на обоих берегах Гинды по сто восемьдесят канав и приказал копать.

Это была тяжелая работа. Солнце палило свирепо. Откуда-то из пустыни приносило горячий красный песок, и он, словно дым, висел в воздухе, не давая дышать. Тучи песчаных мух

мучили людей, от укусов их зудило кожу, возникала лихорадка с высокой температурой и болью в суставах. Ночью налетали полчища комаров, от которых ничем нельзя было укрыться. Воспалялись и болели глаза...

Неожиданно, откуда-то из страны демонов, налетали черные смерчи, и там, где они проносились, оставалась пустыня. В самую страшную жару, когда раскаленный воздух словно кипел от зноя, вдруг разражались неистовые грозы, все небо полыхало молниями. Чужая земля старалась уничтожить пришельцев, испепелить их, сжечь.

Но люди работали. Целое лето копали они эти триста шестьдесят каналов, чтобы наказать Гинду мелководьем, как пригрозил Кир.

Наказать реку!

Люди, поклонявшиеся солнцу, ветрам и воде, не видели в этом ничего необыкновенного: река поступила вероломно, она погубила лучшую лошадь Кира, хотя этой реке никто не нанес ни обиды, ни оскорбления. Значит, надо отомстить ей, наказать ее.

А Кир молчал. И когда слышал проклятия, посылаемые Гинде, глаза его светились усмешкой. Но он прятал эту усмешку. Никто не должен знать его планов, его военных замыслов. Ему было известно, что в любой войске всегда найдется перебежчик и шпион, готовый предать своего полководца. Пускай так и думают, что он наказывает реку, а вовсе не готовит путь своему войску для продвижения в глубь месопотамской земли.

О замыслах его знали только старые военачальники, с которыми он советовался. Знал это и старый царь Крез, которого Кир всюду возил с собой. Когда река была наказана и обмелела, как угрожал ей Кир, его войска и обозы свободно перешли ее.

Войска Набонида встретили Кира недалеко от Вавилона и преградили путь. Набонид, богомольный царь, много молился перед походом и был уверен, что боги помогут ему победить и прогнать врага. Поэтому он не очень тревожился о том, как вооружены его солдаты, как они обеспечены провиантом. Но сам он не отказался ни от удобств, к которым привык, ни от роскоши, в которой жил. За ним всюду следовал обоз со всякими припасами, гнали стадо скота для жертвоприношений богам и для того, чтобы у царя было всегда свежее мясо.

Войска встретились. И у стен самой столицы Вавилонии Кир разбил Набонида.

Набонид бежал и закрылся в Вавилоне, захлопнув за собой все сто медных вавилонских ворот.

КИР В ВАВИЛОНЕ

Кир начинал гневаться. Время шло, а осажденный Вавилон не сдавался. Стены были так крепки, что пробить их не хватало ни умения, ни сил. И так они были высоки, что никакой насыпи, чтобы подняться выше их, сделать было невозможно.

Вавилонские правители всегда опасались врагов — то Ассирии, то Мидии. А больше всего Кира. Они видели, как он идет по азиатским землям, все захватывая на своем пути, они были

готовы к тому, что рано или поздно Кир явится у стен Вавилона. И поэтому заготовили съестных припасов на многие годы.

Однако сидеть всю жизнь среди заболоченной долины за «Мидийской стеной», как называли персидскую осаду, вавилоняне не могли. Их положение было безвыходным. У них не было сильных союзников, которые пришли бы помочь Вавилону. Народы, платившие Вавилону дань, отложились. Порабощенные восстали и освободились из-под вавилонского ига. А те, которые не могли освободиться сами, ждали Кира как освободителя, как избавителя от неволи. По всей Азии уже шли слухи о том, что Кир не притесняет покоренные народы, не разрушает городов, не оскорбляет религии...

В эти томительные дни осады Кир часто собирал своих военачальников. Их было семь; среди них неизменно присутствовал и Гарпаг. Советовались. Думали. Искали путей, как взять этот неприступный город?

Иногда, оставшись один, Кир с возмущением вспоминал все те годы, через которые он добирался до Вавилона. Однажды он уже отправился на Вавилон. Но вернулся, потому что начались волнения и неурядицы в его азиатских владениях. Надо было покорить и привести к повиновению еще не покоренные племена, которые своими набегами и грабежами мешали ему. Как злорадно тогда подшучивал над ним его дед Астиаг, как злобно он веселился!

«Что, сын перса? Не дотянулся до Вавилона? Глупейший! Отнял у меня власть, а сделал ли больше, чем сделал бы я? Я бы уже давно взял Вавилон, уже давно он лежал бы в развалинах и дымился, как Ниневия! И еще считаешь себя великим царем!»

И как долго потом Кир добирался до Вавилона! Вот уже скоро семь лет этот недостижимый город занимает его время, его думы, его расчеты, его замыслы...

Он победит Набонида. Он уже давно победил бы этого робкого, нерешительного царя. Набонид пытался сражаться с Киром. Но каждый раз, побежденный, поспешно отступал за высокие стены города-крепости. А теперь закрылся там и сидит среди — своих храмов, зиккуратов и богов.

Как одолеть его?

И вот однажды, в трудную минуту раздумий, Кир вдруг понял, что ему нужно сделать.

Тотчас по его приказу войска персов пришли в движение. Одна часть войска подошла к тому месту реки, где она вливается в город. А другая часть встала там, где река вытекает из города. Прежде чем разделить войско, Кир сказал:

— Как только река станет удобна для перехода, вступайте по руслу в город.

Приказ был краткий, точный и повторения не требовал. Персы стояли по обе стороны города у самых берегов Евфрата.

Кир тем временем собрал воинов, не способных более к сражению — раненых, заболевших, уставших, — и вместе с ними ушел к озеру, к тому водоему, который сделан был Навуходоносором для запаса воды.

Сейчас водоем был пуст, вода разлилась по долине, защищая Вавилон. Вместо озера здесь лежало болото.

И тогда Кир сделал то, что делал когда-то Навуходоносор, запасаясь водой на засушливое время. Он открыл плотину, и Евфрат хлынул в этот водоем.

Военачальники Кира и сами солдаты, стоявшие под Вавилоном, напряженно следили за тем,

как незаметно, но неудержимо убывает в реке вода, как все глубже обнажается ее русло.

Пора!

Командовал Гобрий, один из военачальников Кира.

Пора!

По его знаку солдаты спустились в русло. Вода не доходила до пояса, и персы тихо, стараясь не шуметь, вошли с двух сторон в город.

Если бы вавилоняне увидели их в это время, персы погибли бы. Вавилоняне «захватили бы персов как рыбу в верше», говорит Геродот. Набережные Евфрата внутри города были защищены стенами, улицы, ведущие к реке, запирались медными воротами. Вавилоняне могли бы закрыть эти ворота и, заняв набережные, истребить персидское войско.

Но в Вавилоне в это время справляли какой-то праздник. На всех улицах слышались песни, на площадях звенела музыка, всюду пели и танцевали.

А в городе уже было полно персов. Персы предстали с ошеломляющей неожиданностью. В средней части города еще продолжали танцевать, а окраины уже были в плену у врага. Вавилоняне глазам своим не верили, ушам своим не верили. Персы, гремя оружием, заполняли город.

Так, по свидетельству Геродота, был взят Вавилон.

Может быть, так.

А может, и не так.

Вавилонские жрецы были недовольны Набонидом за то, что он, по их мнению, недостаточно почитал их бога Мардука, а значит, и их самих.

Богатые вавилонские купцы не могли долго терпеть осады, не могли согласиться с потерей торговых путей, занятых персами. Им нужны были эти пути для перевозки товаров по всей Азии, и только Персидская держава открывала им свободные дороги.

И вернее всего, что вот эти влиятельные люди, договорившись между собой, изменили своему царю и сами открыли персам вавилонские ворота.

И Кир без боя полновластным владыкой вошел в Вавилон.

Царь Набонид отсиживался в древнем городе Борсиппе, в храме, окруженном крепкими стенами. Однако это длилось недолго. Набонид понял, что дело его безнадежно, и сдался.

Он вышел навстречу Киру с опущенной головой. Какие муки готовит ему Кир? Какой смертью заставит умереть?

Но Кир не мучил и не убивал тех, кто сдается. Не убил он и Набонида.

— Уезжай в Карманию, — сказал Кир. — Возьми себе эту область и живи там. Но Вавилон покинь навсегда.

Набонид, не ожидавший такой милости, тотчас уехал в Карманию. Там он и жил до конца

своей жизни.

Кир с детства был наслышан о богатствах Вавилона.

Своим войскам он еще заранее отдал строжайший приказ: не грабить, не убивать, не осквернять храмов. Кир был убежден, что ничем нельзя так скоро и так прочно завоевать доверие побежденных народов, как уважением их религий. И войска Кира знали, что ослушаться нельзя. За много лет, проведенных в походах и завоеваниях, они уже твердо усвоили эти необычные правила их необычного царя.

Кир, окруженный свитой, шел по красивым прямым улицам Вавилона. Все удивляло его. Двухэтажные и трехэтажные дома, теснившиеся по сторонам, — он еще никогда не видел таких домов; тяжелые медные ворота, пламенеющие под солнцем; ворота богини Иштар...

У этих ворот, куда привела его широкая, вымощенная плитами дорога процессий, Кир остановился. Нельзя было пройти мимо их величавой красоты. Ворота были двойные, внутренние в два раза больше наружных. Они светились глубокой глазурью, фантастические существа глядели с их стен на Кира — не то быки, не то носороги, и еще кто-то таинственный, соединивший в себе и орла, и змею, и скорпиона «Сирруш»...

Кир увидел, что Вавилон полон храмов. Он захотел узнать, сколько их. Жрецы Вавилона тотчас сообщили ему, что храмов великих богов у них пятьдесят три, да пятьдесят святилищ царя богов Мардука, да триста святилищ земных божеств, да шестьсот святилищ небесных божеств, да сто восемьдесят алтарей Нергал и Адада и двенадцать других алтарей...

«Сколько понадобилось труда, чтобы построить эти храмы! — думал Кир. — Сколько жрецов занято служением богам, а ведь всех их надо кормить. Им всем нужен не только хлеб, но и золото нужно. Но не тронем жрецов. Они сильны. Они сильнее царя. Пусть берегут свои храмы и приносят жертвы своим богам».

Перед храмом божественного владыки Вавилона, владыки богов Бел-Мардука, как называли его жрецы, Кир остановился в изумлении. Этот храм был огромен. Кир пожелал войти — жрецы угодливо открыли украшенные бронзовыми пластинками двери. Прохлада, тишина, дымка ладана...

Здесь, среди мраморных, с золотом и лазурным камнем стен, Кир увидел огромную, в шесть метров высотой, статую Бел-Мардука. Мардук сидел в длинном, осыпанном звездами одеянии. На голове его светилась золотая тиара. Отсвет покрытого чистым золотом потолка озарял Мардука, словно сияньем солнца. На шее блистало драгоценное ожерелье.

— Почему у владыки богов такие огромные уши? — удивился Кир.

— Жрецы говорят, — ответил переводчик, — что ведь не мозг, а уши являются вместилищем разума и духа!

Кир, не противореча, кивнул головой.

Вблизи храма Эсагила Кир увидел необыкновенно прекрасную башню — зиккурат. А так как вавилонский народ особенно чтит этот храм, Кир поставил здесь свою охрану.

Зиккурат в Эсагиле неожиданно напомнил ему далекие Экбатаны. Башня была почти так же раскрашена, как дворец Дейока: нижняя ступень — черная, выше — белая, дальше — фиолетовая. Потом — синяя, красная, серебряная. И самая верхняя — золотая. Значит,

Дейок знал об этих вавилонских зиккуратах!

Кир любовался городом: Вавилон нравился ему. Нравились эти прямые улицы, крепкие высокие жилища горожан, площади с неожиданной зеленью финиковых рощ, золотящиеся гроздьями сладких плодов... Он любовался богатыми дворцами, которые построил Навуходоносор.

Нравилась Киру и одежда вавилонян — льняная туника, спускающаяся до ног, сверху другая туника, шерстяная. И белый плащ, непринужденно накинутый на плечи... Может быть, такая одежда подошла бы и персам?

Волосы у вавилонян длинные, на голове они носят повязку. Такие волосы будут мешать в походах. Но обычай носить перстень с печатью и палку, украшенную то искусно сделанным яблоком, то розой, то орлом, — это, пожалуй, красиво...

— Этот город будет моей столицей, — решил Кир. — Столицей всего моего царства!

И с этого дня он стал так писать свой титул:

«Я, Кир, царь народов, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь четырех стран света».

Царство его теперь уже простиралось от Средней Азии до Средиземного моря.

МАНИФЕСТ КИРА

Кир не тронул города. Но он приказал немедленно разрушить внешние стены Вавилона. Еще могут быть смуты, и вавилоняне захотят освободиться и закрыть от персов все свои медные ворота. А тогда снова трудная осада, снова война...

Неприступные стены Вавилона рушились в ров. Страну Междуречья охватило смятение. Жители древнего города Ура, что стоял к югу от Вавилона, решили, что и для них все кончено — погибнет их город, их свобода... Ни укрепления, ни рвы, ни стены не защитили Вавилона, враг победил. Будет побежден и Ур. У победителей свои боги, — так разве они пощадят богов, стоящих в храмах Ура?

А это казалось самым страшным: погибнут боги — погибнет и Ур!

Но Кир никогда не испытывал вражды к людям другой веры. Он не разорил Ура, не тронул богов. Но, к изумлению жителей, восстановил их разоренное святилище Эннунмах. И даже отремонтировал лицевую стену храма Сина — бога Луны.

Иудеев, которых Навуходоносор когда-то увел в плен, Кир отпустил на родину и приказал вернуть им священные сосуды, которые отнял у них Навуходоносор. Пять тысяч четыреста драгоценных чаш собрали освобожденные из плена вавилонского иудеи и повезли в свою страну.

Кир приказал вернуть всем городам и землям их богов, которых в страхе увез Набонид и собрал у себя в Вавилоне. И народ принял свои святыни, благословляя имя персидского царя.

Бел-Мардук снова возвысился. Вавилонские жрецы не находили слов для восхваления Кира и для поношения своего незадачливого царя Набонида.

»...Слабый был поставлен властвовать над своей страной...

Он... отменил ежедневные жертвы... Почитание Мардука, царя богов... и постоянно делал то, что было ко злу для его града... его жителей довел до гибели, наложив на них тяжкое иго. Владыка богов разгневался грозно из-за стены их; он оставил их область; боги, жившие в них, оставили свои жилища из-за гнева за их перенесение в Вавилон...

Мардук, великий владыка, защитник людей своих, радостно воззрел на его (Кира) благословенные деяния и его праведное сердце и повелел ему шествовать к своему граду Вавилону... сопутствуя ему, как друг и товарищ. Его широко растянувшиеся войска, неисчислимы, подобно воде, реки, шли вооруженные с ним... Набонида, царя, не почитавшего его, Мардука, он предал в его (Кира) руки... «

Вот что писали о нем жрецы.

Кир слушал это с непроницаемым и торжественным лицом. В глубине глаз, под длинными ресницами таилась насмешка. Он был слишком умен, чтобы поддаваться лести.

Но в манифесте своем он выдержал тот же тон, те же высокопарные речи, те же титулы.

— «Я, Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран, сын Камбиза, великого царя, царя города Аншана... «

«Если это и не совсем так, — добавлял про себя Кир, диктуя свой манифест, — нужно, чтобы они видели во мне потомка великих царей. Разве лестно покориться сыну перса Камбиза, который никогда не был царем? Пощадим их самолюбие, их тщеславие... «

И диктовал дальше:

— «...потомок Теиспа, великого царя, царя города Аншана, отрасль вечного царства, которого династия любезна Белу и Набу, которого владычество приятно их сердцу. Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликованиях и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании... «

Кир повторил почти все, что сказали о его деяниях жрецы, принял все почести и титулы, которыми его награждали, восхвалил Мардука, как того хотели, не забыл и других богов.

Но главное для него было не титулы и не почести. Главное для него было умиротворить покоренные народы, чтобы его власть не тяготила их, чтобы не искали они других царей и не стремились свергнуть его, Кира. Кир понимал, что угнетением и жестокостью многого не достигнешь. Он видел это на примере многих великих царей и царств. Пала всемогущая Ниневия. Пал Вавилон. И его дед Астиаг разве не из-за собственной свирепости утратил царскую власть?

Иногда странные, не подобающие царю мысли посещали его. «Митридат был пастух, — думал Кир, — Спако — жена пастуха. А разве не достойнее они были, простые пастухи, чем великий царь Астиаг?»

Этими мыслями Кир ни с кем не делился, даже с Крезом и даже с Гарпагом.

Но в такие минуты раздумья перед его глазами зеленело горное пастбище, над головой смыкались ветви дубов и платанов, пронизанные солнцем. И милый далекий голос, ласковый голос звал его: «Куруш! Куруш! Где ты, сынок?»

ЦАРИЦА ТОМИРИС

В таинственных бескрайних просторах закаспийских степей жили племена, которые еще беспокоили Кира. В крытых шкурами и войлоком повозках, с пронзительным скрипом грубых колес кочевали эти опасные скифские племена со своими бесчисленными стадами по берегам рек, по раздольям равнин, то приближаясь к подножию Кавказских гор, то скрываясь где-то в неизвестной дали пустынных северных земель.

Разные племена скифов жили за Каспием. Были и оседлые. Одни жили в горах, пасли свои стада, питаясь дикорастущими плодами, мясом и молоком. Их узнавали по яркой, пестрой расцветке одежды.

Жили скифские племена и на островах. Они не знали хлеба — каменистая земля островов не годилась для посевов. Коренья, дикие плоды деревьев и кустарников были им пищей, а одежду делали из лыка, которое они мяли и обрабатывали как могли.

Жили и на заболоченных устьях рек, питаясь рыбой.

Кое-где на равнинах жили скифы-земледельцы. Сеяли хлеб, пасли стада. Черноземная земля давала обильные урожаи.

Племя скифов, которых Геродот называет массагетами и с которым пришлось встретиться Киру, владело безграничными просторами земли, но никогда ничего не сеяло. Огромные стада были богатством массагетов. У них всегда было в изобилии мясо, молоко, рыба, которую они ловили в реке.

Отважные наездники, вооруженные трехгранными стрелами, бронзовыми мечами, секирами, копьями с железными наконечниками, массагеты никому не подчинялись, никому не платили дани. Они славились мужеством в боях и дерзостью в грабительских набегах. Косматые, с длинными бородами, в широких штанах из звериных шкур, в стеганых кафтанах и острых колпаках, они, как хищники, налетали на соседние племена; и это всегда было тяжелым бедствием для незащищенных поселений.

»...Свирепый враг, вооруженный луком и налитыми ядом стрелами, осматривает стены на тяжко дышащем коне, — писал о скифах римский поэт Публий Овидий Назон, — и как хищный волк овечку, не успевшую укрыться в овчарне, несет и тащит по пажитям и лесам, так и враждебный варвар захватывает всякого, кого найдет в полях еще не принятого оградой ворот: он или уводится в плен с колодкой на шее, или гибнет от ядовитой стрелы».

Пылали поселения, полыхали огнем несжатые хлеба. Ревел скот, который угоняли захватчики к себе, в бескрайнюю степь...

Вот против этих опасных воинственных племен, которые когда-то приходили в Мидию, и задумал Кир свой новый поход.

Кир был не только талантливым полководцем, он также отличался большим политическим умом и мудрой дальновидностью. Он понимал: чтобы удержать в своих руках завоеванные племена и государства, надо обеспечить спокойствие, безопасность и благополучие их городов, их сел, садов и пашен, их каналов, проведенных для орошения засушливых земель, сохраняющих жизнь на этих землях.

Спокойствию границ его обширной державы по-прежнему грозили скифы-массагеты. И чтобы не повторилось то, что произошло при царе Киаксаре, Киру необходимо было покорить этих опасных соседей своего государства. Верные полководцы Кира были готовы отправиться с

ним и в этот поход.

Киру было уже не так легко, как в молодости, выдерживать военную страду. Рыжая хна скрывала густую седину в его короткой кудрявой бороде, глаза его, окруженные морщинами, глядели устало, в них уже не было прежнего огня. Но массагеты — сильный и опасный враг, которого трудно победить, и Кир никому не мог доверить этого дела, он должен был сам вести войска.

Царицей массагетов была Томирис, вдова массагетского царя.

Велико было ее удивление, когда перед ней предстали послы великого царя «всех стран» Кира. Уже не молодая, широкоплечая, круглолицая и светлоглазая, она не сразу поняла, о чем говорят персидские послы.

— Великий царь, царь царей, царь всех стран Кир хочет, чтобы ты была его женой.

— Я? Его женой?

Томирис еле удержалась от смеха. Это она, скифянка, это она, которая не хуже любого мужчины может скакать на диком коне, метать стрелы и рубить мечом, — жена персидского царя! Может, он еще захочет, чтобы она, накрывшись покрывалом, следовала в обозе за его войском?

— Идите с миром, — ответила послам Томирис. — Кир умный и хитрый человек. Но я разгадала его хитрость. Не я ему нужна, а мое царство.

Да, она разгадала. Не она была нужна Киру. Киру хотелось покорить массагетов, но избежать войны. Он знал, что эта война будет долгой и изнурительной, а оставить положение дел так, как оно есть сейчас, нельзя. Массагетов надо подчинить, иначе они никогда не дадут покоя его стране.

«Хотел сделать это дело миром, — подумал Кир, — не получилось. Надо воевать».

И он приказал строить мосты через реку, чтобы переправить войско на землю массагетов.

Мосты росли на реке один за другим. С зари до зари слышался стук топоров: войско было огромно и мостов понадобилось много.

Одни строили мосты, другие сколачивали плоты и устанавливали на них военные деревянные башни...

В степи иногда показывались всадники и тут же исчезали, как полуденное наваждение. Персы знали, что массагеты следят за их работой.

В разгар этих работ к царю явился вестник от царицы Томирис. Она прислала Киру устное письмо, потому что писать не умела. Вестник слово в слово передал ее речь.

— «Перестань, царь мидян, хлопотать над тем, чем ты занят теперь; ведь ты не можешь знать, благополучно ли кончатся твои начинания. Остановись, царствуй над своим и не мешай нам царствовать над тем, над чем мы царствуем. Но если не желаешь последовать этим советам и ни за что не хочешь оставаться в покое, если, напротив, у тебя есть сильная охота помериться с массагетами, изволь, но не трудись над соединением речных берегов, на три дня пути мы отойдем от реки, тогда переходи в нашу землю. Если же предпочитаешь допустить нас в твою землю, то сделай то же самое».

Кир внимательно выслушал вестника. Потом созвал своих полководцев.

— Как быть? Перейти ли нам через реку? Пустить ли Томирис на нашу землю?

Полководцы решили дело единодушно.

— Зачем идти в чужую, неизвестную нам землю?.. Мы не знаем, что ожидает нас там. Пускай Томирис идет сюда, давайте допустим к нам ее войско и встретимся на нашей земле!

И только лидиец Крез, который и сюда последовал за Киром, был не согласен с этим решением.

— Так как бог отдал меня во власть тебе, царь, — сказал он, — то с самого начала я обещал отвращать, по возможности, всякую беду от твоего дома. Если ты думаешь, что ты бессмертен и что твое войско бессмертно, тогда мне вовсе нет нужды высказывать свое мнение. Но если сознаешь, что ты только человек и что твои подданные только люди, то знай, что одни и те же люди не могут быть счастливы постоянно. Мое мнение противоположно совету твоих полководцев. Если ты допустишь неприятеля на свою землю, то погубишь все твое царство. Ибо ясно, что если массагеты победят, они не уйдут назад, но устремятся дальше в твои владения. У них уже не будет преграды. Если же ты одержишь победу над врагом, то двинешься во владения Томирис. И будет нестерпимым позором, если Кир, сын Камбиза, побежденный женщиной, уступит ей страну! Поэтому я полагаю, что нам следует перейти реку и подвинуться вперед на столько, на сколько отступит враг, и лишь на их земле начинать сражение. Массагеты не вкусили благ персидской жизни, и им незнакомы большие удовольствия. Поэтому советую зарезать множество скота и приготовить для этого народа угощение в нашем лагере. Кроме того, налить в избытке чаши чистого вина. Потом советую оставить в лагере часть нашего войска, уже не способную к битве, а с остальными возвратиться к реке. Если я не ошибаюсь, неприятель при виде стольких благ кинется на них, а нам останется прославить себя победой.

Кир надолго задумался. Он привык побеждать в открытом бою...

Но ожили в памяти рассказы деда его, Астиага. Дикая полчища скифов на мидийской земле, произвол, разбой, разорение... Снова красные костры пылали перед ним в черном ночном поле, снова слышал он хриплые голоса скифской орды и конский топот, вопли и женский плач и крики детей...

— Я предпочитаю мнение Креза, — сказал Кир.

И велел сообщить царице Томирис, что он сам вступает в ее владения.

Прежде чем выступить, Кир позвал к себе в шатер своего сына Камбиза и попросил Креза тоже прийти к нему.

— Я оставляю тебе царство, — сказал Кир Камбизу, — царствуй, пока я буду в походе. Нельзя оставлять народ без правителя, как дом без хозяина. Передаю тебе в твои руки и моего друга Креза. И если поход мой... — Кир вздохнул, сердце его сжалось от необъяснимой тоски тяжелого предчувствия, но он тут же овладел собой. — Если поход мой окончится несчастливым, береги Креза, почитай его, следуй его советам. Я прошу тебя об этом, Камбиз, я тебе это приказываю!

Кир был печален. Он не помнил времени, когда бы на душе у него лежала такая печаль. Он еще и еще раз настойчиво наказывал Камбизу беречь Креза.

Крез стоял, низко склонив голову. Ему было тяжело оставлять Кира; ему казалось, что,

расставшись, они оба погибли. Но Кир, предвидя тяжелые сражения, не хотел подвергать опасности своего старого мудрого друга.

Простившись, Кир приказал Камбизу и Крезу немедленно покинуть лагерь и возвратиться в Персию.

В тот же день Камбиз и Крез уехали.

ЗЛОВЕЩИЙ СОН

Огромное войско Кира перешло реку. Шли по мостам, переплывали на плотках. Были смельчаки, которые верхом на конях бросались вплавь.

С недобрым чувством вступил Кир на чужую ему равнинную землю.

Они шли весь день, а равнина уходила все дальше и дальше, однообразная, шелестящая травой и ковылем. Ни холмов, ни горных вершин. Солнце было нежаркое. А к ночи подул северный ветер, пригибая травы к земле. И закатное небо, малиновое и лиловое, показалось Киру угнетающе печальным.

Ночью Кир долго не спал. Он вышел из шатра, что-то тревожило его. Он ходил по лагерю, проверяя посты. Нельзя быть спокойным на опасной скифской земле. Враги, как змеи, могли подползти неслышно к лагерю...

Но все было тихо. Только храпели иногда кони, шелестела трава да потрескивали в кострах ветки сухого саксаула. Крупные звезды, спустившись до самого горизонта, мерцали, словно покачиваясь на своих тонких серебряных лучах. Киру казалось, что он слышит их призрачный серебряный звон, и это пугало его, как предвестие беды.

Кир уснул с тяжелым сердцем. И тяжелый приснился ему сон.

Он увидел юного Дария, старшего из сыновей своего родственника и вельможи Гистаспа. Дарию было всего двадцать лет. Гистасп оставил его дома; он считал, что Дарий еще молод для тяжелых походов.

Проснувшись, Кир долго обдумывал свой сон. И, обдумав, счел этот сон пророческим.

И едва небо на востоке засветилось зеленоватым отсветом наступающего утра, Кир приказал позвать к себе Гистаспа.

Кир и Гистасп были одни в шатре. Кир не хотел, чтобы кто-нибудь знал об этом разговоре.

Кир сказал:

— Сын твой, Гистасп, виновен в заговоре против меня, против моей власти. Я знаю это достоверно. Боги заботятся обо мне и предупреждают меня обо всем, что мне предстоит.

Гистасп глядел на него с тревогой и страхом. Ему показалось, что он слышит голос старого Астиага, давно ушедшего из жизни...

— Сегодня ночью, во сне, — продолжал Кир, — я видел твоего сына Дария с крыльями на плечах: одним крылом он осенял Азию, другим Европу. Это сновидение свидетельствует, что он злоумышляет против меня. Поэтому как можно скорее возвращайся в Персию и постарайся представить сына твоего на суд к тому времени, когда я покорю эту страну и

возвращусь домой.

После, когда Кира не стало, маги так толковали его сон:

— Кир думал, что Дарий злоумышляет на него. Но ведь это было не так. Божество давало ему заранее знать, что он сам умрет здесь, в земле массагетов, и что царство его перейдет к Дарию.

Ни сам Кир, ни Гистасп не усомнились в том, что это не просто сон приснился усталому, озабоченному огромными военными и государственными заботами человеку. Оба они были совершенно уверены, что божество посетило царя и предупредило его.

— Не родиться бы лучше, царь, тому персу, который злоумышляет на тебя, — ответил преданный Киру Гистасп, — а если такой есть, то пусть он погибнет тотчас! Злоумышлять на того, кто из рабов сделал персов свободными и вместо подчинения дал им владычество над всеми народами! Если сновидение знаменует, что юный сын мой замышляет против тебя восстание, я отдам его тебе: делай с ним что хочешь!

Разгневанный и несчастный, Гистасп, встретив, как обычно, молитвой восходящее солнце, потребовал своего коня и отправился обратно в Персию. Он спешил домой. Он боялся, что Дарий что-нибудь предпримет против Кира. Надо было немедленно заключить сына в темницу, чтобы он ничего не успел предпринять. Гистаспу и в голову не приходило, что его юный Дарий может оказаться ни в чем не виновным!

СОВЕТ КРЕЗА ВЫПОЛНЕН

Изо дня в день шло вперед по равнине Кирова войско. Широкий след, вытопанный конями, оставался после него. Высокая трава ложилась, прибитая к земле там, где проходили его тяжелые обозы.

Удивительным казалось, что солнце здесь не палило, не обжигало кожу, не слепило глаза. После месопотамского пекла закаспийские степи казались персам прохладными. Говорили о том, что если идти всё дальше и дальше, то можно совсем замерзнуть. И что там часто вьюгой поднимаются холодные белые перья и заслоняют небо — так говорили они о снеге.

Жадно всматривались они в ясную днем и лиловую вечером даль. День идут, два идут, три... Ведь должно же, наконец, что-то появиться перед ними — море, гора, город! Ничего. Все та же степь, все тот же серебряный разлив ковылей.

Ночью звезды висели так низко над горизонтом, что казалось, их можно достать рукой. Но шли вперед, а горизонт уходил все дальше и дальше, и звезды медленным, торжественным хороводом передвигались на запад, а с востока поднимались другие. Степь молчала. Днем трещали цикады, пели жаворонки. Массагеты не показывались, исчезли, растворились где-то в солнечном степном мареве. И уж начинало мерещиться, что никаких массагетов нет и не было и что степь пуста и безлюдна до самых тех северных стран, где кончается всякая жизнь.

На восьмой день Кир остановил войско.

Как воевать с массагетами, если они налетают откуда-то из неведомых далей и потом снова исчезают без следа в этих далях, в этом шелесте трав и солнечном молчании степи?

Сделали так, как советовал Крез. Войско разделилось. Слабые, больные, уже не способные к

битве воины остались на месте. А остальные, сильные боевые полки вместе с царем и военачальниками отступили обратно, к реке.

Оставшиеся недоумевали. Что задумал Кир? Почему он оставил их здесь?

Но долго раздумывать об этом они не стали. У них было столько всякой еды и столько вина, что целое войско могло бы пировать до утра. Скоро запылали костры, потянулись вокруг запахи жареного мяса, заплескалось виноградное, ионийских виноградников, вино.

И, словно почуяв запахи пира или услышав песни у костров, на персов налетели массагеты. Со свистом, с боевыми воплями на полудиких конях ворвались они в лагерь. Жестко зазвенели их стрелы, засверкали копыта...

Персы пробовали сопротивляться. Но массагеты с яростью топтали их копытами коней, били, убивали. И скоро персы все полегли у своих приготовленных для пира костров.

Массагеты ликовали. Они тут же бросились сдирать с убитых скальпы. Они делали это ловко и проворно, и каждый спешил добыть как можно больше скальпов, чтобы потом, связав их за волосы, повесить на узду своего коня. У кого больше скальпов, тот больше убил врагов. Их вождь, царский сын Спаргапис, сын Томирис, как и всякий вождь, похвалит и поблагодарит их за храбрость и отвагу.

Труд битвы всегда тяжел. Усталые, с окровавленными руками, массагеты хотели было, вскочив на коней, исчезнуть в степи. Но запах жареного мяса остановил и привлек их. С радостными криками, с возгласами ликования они окружили костры, на которых жарились туши быков и баранов. И ещё выше поднялись их радостные вопли, когда они увидели бурдюки с вином.

Массагеты сложили свои луки и щиты и уселись к кострам. Они резали мясо кинжалами, захватывая куски побольше. Они хватали чаши и жадно пили вино. Они пели и смеялись, вино сделало их добрыми и беспомощными. Силой волшебства этого янтарного вина весь мир для них преобразился, луна смеялась на небе, огонь в кострах плясал веселую пляску, кругом были друзья, каждый готов был клясться в дружбе каждому... Они пели, хохотали, кричали что-то друг другу. И кони откликались им из темноты веселым ржаньем, будто смеялись вместе с ними.

Отведав радость виноградного сока, они не знали его коварства. Казалось, что от такого вина даже голова закружиться не может. Но голова закружилась, отнялись руки и ноги, и победители крепко уснули на залитой вином и кровью земле, потерявшие силы, потерявшие разум.

Вот тут и вернулся Кир со своим войском. Боя не было. Много скифов убили, но гораздо больше взяли в плен. Взяли в плен и сына Царицы Томирис, их молодого вождя Спаргаписа.

СМЕРТЬ КИРА

Царица Томирис вскоре узнала, что сделал Кир с ее войском. Сразу постаревшая, задыхаясь от горя и ярости, но не теряя рассудка, она послала Киру вестника.

Кир погубил третью часть ее войска — обманом, хитростью погубил!

И он взял ее сына. Только бы вызволить ей сына из рук персов, только бы вернуть его!

Но если Кир не захочет вернуть ей сына, тогда уже не будет места разговорам.

Кир молча, нахмурясь, слушал вестника Томирис.

— «...Ненасытно жадный до крови, Кир, не гордись случившимся, тем, что с помощью виноградного плода, которым вы напиваетесь сами и от которого неистовствуете так, что по мере наполнения вином все больше сквернословите, не гордись, что столь коварно, такими средствами овладел ты моим сыном, а не в сражении и не военной доблестью. Теперь послушай меня, потому что советую тебе благое: возврати мне моего сына и удаляйся из нашей страны, свободный от наказания за то, что так нагло поступил ты с моим войском. Если же не сделаешь этого, клянусь Солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду в крови, хоть ты и ненасытен».

Кир выслушал речь царицы и отпустил вестника, ничего не сказав.

«Мне грозит женщина! — думал он. — Мне, владыке стольких стран! Я прошел столько дорог, покорил столько городов и племен, и я должен уйти, испугавшись угроз женщины!»

Усмехнувшись, он удивился ее самонадеянности.

«Я не верну тебе сына, — думал Кир. — И я не сделаю ему зла. Но пока он будет у меня в руках, ты, Томирис, тоже нам зла не сделаешь. Я не могу уйти из этой земли, не покорив массагетов, иначе кочевники никогда не дадут нам покоя».

Молодой массагет Спаргапис, с растрепанной гривой белокурых волос, плачущий от стыда, что так бесславно попал в руки врагов, постиг всю меру своего несчастья и позора. Его взяли, как щенка, сорвали с него и золотую повязку, и золотой пояс, и драгоценный кинжал... Он, сын царя, как последний раб стоит в оковах перед чужим царем, перед чужими воинами.

— Сними с меня цепи! — в ярости кричал он Киру и громыхал оковами. — Сними с меня цепи, прошу тебя! Только сними с меня цепи!

— Освободите его от оков, — приказал Кир. — Я не убиваю пленных.

Оковы тотчас сняли. Все ждали — что теперь скажет массагет? Что будет делать дальше?

Все произошло так быстро, что никто не успел помешать Спаргапису. Он выхватил кинжал из-за пояса стоявшего рядом солдата и с размаху ударил себя в сердце.

Кир видел много смертей на своем веку. Но этой смерти он не хотел. Дрожь прошла по его лицу, он отвернулся и ушел, чтобы не видеть у своих ног этого белокурого, белокожего и такого юного вражеского вождя.

Может быть, Кир стал слишком старым, может, он вспомнил о своем беззащитном детстве, но сердце его дрожало. Он не хотел этой смерти.

Спаргапис умер. Царице Томирис больше нечего было ждать и больше незачем щадить Кира. Она собрала все войско, которое у нее было, и яростная, беспощадная, безудержная в своем горе и в своей ненависти напала на Кира.

Еще с вечера разведчики принесли весть, что скифы недалеко. Они готовы к бою, но, видно, ждут утра.

Кир не спал. Почему-то вспоминалась молодость, дальние походы, трудные осады, бои... Крепостные стены лидийских Сард, которые казались неприступными. Башни Вавилона и их медные ворота, которые казались несокрушимыми... Крепости ионийских городов... Но тогда все было ясно: осада, бой. Город, который нужно взять. Войско, которое нужно разбить...

А здесь? Враг, уходящий куда-то, исчезающий. И ни городов, ни крепостных стен. Как воевать? Что осадить, побеждать, захватывать?

А войско Кира все больше устает, все больше изматывается в этой войне без боев, в войне без противника, всегда настроенное, в постоянном ожидании неведомых опасностей...

Кир встал и поднял свои войска до рассвета. По обычаю персов, они молитвой встретили восходящее солнце — их божество, совершили возлияние. И стали готовиться к битве.

«Мне кажется, сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары», — говорит Геродот.

Кир, когда увидел надвигающееся на него с дикими криками войско массагетов, собрал все свое мужество закаленного в боях воина и хладнокровие опытного полководца. Но все же при виде этой конницы, поднявшейся словно туча на горизонте, ему мгновенно вспомнилась страшная песчаная буря в пустыне Деште-Кевир, которая надвигалась вот так же зловеще и неотвратимо.

Два войска сошлись и встали друг против друга. Полетели стрелы. Кир заметил, что массагеты стреляют не хуже, а лучше, чем его стрелки, и что они натягивают лук иначе, чем персы и другие народы. Персы притягивают тетиву к груди. А массагеты становятся к неприятелю боком, притягивают тетиву к плечу, и стрела у них летит с большей силой. Они проворны в бою, стреляют и правой и левой рукой, и что воины Кира, пораженные стрелами, падают чаще, чем у массагетов...

«Надо будет научить наших лучников тому же», — думал Кир.

Он видел, как, словно атласные, отсвечивают у массагетов их колчаны. И, вспомнив, что они часто делают колчаны из человеческой кожи, содрогнулся.

Бой нарастал. Стрелы с гудением густо летели и с той, и с другой стороны. Но вот колчаны опустели, и воины двинулись друг на друга с копьями и мечами.

Бились долго, упорно, беспощадно. Персы не привыкли отступать и к тому же знали, что если не победят, то погибнут. А Томирис в своем неистовом гневе и ярости готова была погибнуть, но отомстить Киру за своего сына. И они дрались насмерть.

Ни один солдат не отступил, не попытался бежать. Или победа или смерть. Или смерть или победа.

Победили массагеты. Почти все войско Кира полегло на этом роковом поле битвы, а те, кто остались в живых, напрасно искали своего царя и полководца Кира.

Убитый Кир лежал среди своих убитых солдат.

Сражение кончилось.

Светлые жестокие глаза Томирис сверкали на коричневом от плотного загара лице.

— Найдите мне Кира! — приказала она.

Вскоре убитый царь, раскинув руки, беззащитно лежал перед ней на земле.

Томирис велела наполнить кровью кожаный мешок.

— Хотя, я вижу, и победила тебя в сражении, но ты причинил мне тяжкое горе, коварством отнявши у меня сына, и я насыщу тебя кровью, как угрожала!

Сказав это, Томирис своими руками приподняла тело Кира и погрузила его голову в мешок, полный крови.

«Относительно смерти Кира существует много рассказов, — заключает Геродот свое повествование о царе Кире, — я привел наиболее правдоподобный».

Так погиб Кир, «царь народов, великий царь, могучий царь», как тогда именовали его.

Персы называли его отцом, а греки считали образцом государя и законодателя.

Он царствовал двадцать восемь лет.

В родовом городе Кира Пасаргады поставили ему гробницу. Это была небольшая массивная башня, похожая на зиккурат, окруженная колоннами. Густые кусты деревьев охраняли гробницу от жгучего солнца, — тому, кто лежит здесь, нужны тишина и покой, потому что в жизни его не было ни покоя, ни тишины.

Наверху гробницы устроен склеп с очень узким входом. Там стояло золотое ложе и на нем золотой саркофаг, стол с золотыми кубками, множество царских одеяний и украшений с драгоценными камнями хранилось там. Там же лежало и оружие царя — его лук, щит и меч. Над всем этим была надпись:

«Человек! Я, Кир, создатель державы персов, и я был царем Азии. Поэтому не завидуй мне за этот памятник».

Потом гробницу разграбили, ложе и саркофаг разбили на куски. Хотя маги сторожили ее и получали за это каждый день овцу и каждый месяц — лошадь.

Все это было очень давно. Прошли тысячелетия, и в долине Мургаб, где шумел богатый город Пасаргады, нет ничего. Лишь несколько обломанных колонн, кое-где цоколи, на которых стояли колонны, каменные косяки от ворот — вот и все, что осталось от столицы древних персидских царей...

Но гробница Кира стоит и сейчас. Только ни зелени, ни прохлады деревьев нет около нее. Солнце палит древние камни, «и степной ветер обвевает их жарким дыханием. И никаких пышных надписей, о которых говорит Геродот, нет на ней. Лишь одна строка доносит нам из давних времен голос, великого полководца:

«Я, Кир, царь, Ахеменид».

Примечания

1

Горит — футляр для лука.

2

Аб — июль-август.

3

Так звучит по-персидски имя Кира. Киром его называли эллины.

4

Тиара — головной убор персидских царей.

5

Сейчас ее называют Керха.

6

Стадий — около 200 метров.